Хелен Гуда
Наложница демонов

Хелен Гуда

Наложница демонов

«Литнет»
2026

Гуда Х.

Наложница демонов / Х. Гуда — «Литнет», 2026

Я привыкла спасать жизни на операционном столе, но когда я оказываюсь невестой пяти демонов, скальпель мне уже не поможет. Они бессмертны, всемогущи и смертельно больны. Их проклятие делает их чудовищами, а женщин превращает в одноразовый источник энергии. Я должна была стать очередной жертвой, но вместо этого стала их спасительницей.Готовы ли Повелители Тьмы доверить свои души женщине, которая видит их уязвимость? И смогу ли я исцелить их, не потеряв себя?«Моя жизнь в обмен на удовольствие повелителей тьмы».Для любителей: Полиандрии (1Ж/5М)❄# Тропа «от ненависти/страха к любви» Сильной ГГ с медицинским бэкграундом Азиатского колорита и магического реализма Эротического фэнтези с глубоким психологизмомКнига участвует в литмобе: "Обраный гарем"

© Гуда Х., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Красный шелк и цепи 5
Глава 2. Тронный Зал Пяти Теней 13
Глава 3. Клетка для птиц 21
Глава 4. Ночь 26
Глава 5. Диагнозы 31
Глава 6. Гром в голове Лорда Лэя 41
Глава 7. Тайна Библиотеки Теней 45
Глава 8. Ритуал Возвращения Души. Цена и Условия 48
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Глава 1. Красный шелк и цепи

Боль не пришла.

Это было первым, что зафиксировал мой мозг, когда сознание, подобно мутной воде после шторма, начало медленно проясняться. Я, Алиса Волкова, хирург с пятнадцатилетним стажем, привыкла к резким вспышкам адреналина, к едкому запаху антисептика и металлическому привкусу страха в операционной. В тот момент я ожидала знакомого жжения разорванных тканей или ледяного оцепенения шока. Последнее, что помнила моя прежняя жизнь, — это визг тормозов на мокром асфальте Невского проспекта, ослепительная вспышка фар встречного грузовика и тошнотворное ощущение невесомости, когда мое тело оторвалось от сиденья.

Но здесь не было боли. Не было и стерильного холода реанимационного отделения.

Вместо этого меня обволакивало тепло. Густое, тяжелое, почти осязаемое тепло, пропитанное сладковатым, дурманящим ароматом. Сандал? Нет, что-то более сложное. Жасмин, смешанный с чем-то горьким, напоминающим полынь, и легкой нотой серы, едва уловимой на грани восприятия.

Я попыталась открыть глаза. Веки казались свинцовыми. Ресницы слиплись. Я сделала глубокий вдох, и мои легкие наполнились влажным, горячим воздухом.

Пульс. Нужно проверить пульс.

Это был автоматический рефлекс, выработанный годами работы в травмпункте: оценить состояние пациента, начиная с себя. Я сосредоточилась на левой руке. Пальцы слушались плохо, словно они принадлежали кому-то другому, но я смогла прижать подушечки указательного и среднего пальцев к внутренней стороне запястья.

“Раз… два… три…”

Пульс учащенный. Тахикардия. Примерно сто десять ударов в минуту. Давление, судя по легкому головокружению при попытке приподнять голову, скорее всего, пониженное. Дыхание поверхностное. Но переломов нет. Кровотечений нет. Головной боли, характерной для черепно-мозговой травмы, тоже не наблюдалось.

«Жива», — констатировала я мысленно, и эта мысль должна была принести облегчение. Но вместо него внутри разверзлась черная, липкая пустота.

Я наконец открыла глаза.

Мир вокруг был залит мягким, красноватым светом. Не ярким, как лампы операционной, а рассеянным, проходящим сквозь плотные ткани. Я лежала на чем-то жестком, но покрытом множеством слоев мягкой материи. Потолок надо мной терялся в полумраке, украшенный сложной резьбой по темному дереву, изображающей переплетающихся змей или драконов.

“Где я?”

Попытка сесть вызвала приступ тошноты. Я замерла, закрыв глаза, дожидаясь, пока вестибулярный аппарат придет в норму. Когда мир перестал качаться, я осмотрела себя.

На мне не было больничной сорочки. Не было моих джинсов и свитера, в которых я ехала домой после дежурства.

Мое тело было обнажено, если не считать тонкой, полупрозрачной белой рубашки из шелка, которая больше напоминала ночную сорочку древних восточных правителей, чем современную одежду. Ткань была холодной на ощупь, но кожа под ней горела.

Я подняла руки, чтобы убрать волосы с лица, и замерла.

На обоих запястьях, там, где только что я искала пульс, сомкнулись широкие браслеты. Они были сделаны из какого-то темного, почти черного металла, инкрустированного кроваво-красными камнями, которые слабо пульсировали внутренним светом. Каждое биение света совпадало с ударом моего сердца.

“Тук-тук. Вспышка. Тук-тук. Вспышка.”

Это не наручники. Это было нечто иное. Я потянула руку, проверяя свободу движений. Браслеты не звенели, не царапали кожу, но стоило мне попытаться вывести руку за пределы определенного радиуса — примерно полуметра от тела, — как внутри костей начинала разливаться тупая, ноющая боль. Не острая, как от удара током, а глубокая, проникающая в костный мозг, заставляющая мышцы рефлекторно сжиматься.

“Магия?”

Слово прозвучало в голове абсурдно. Я верила в анатомию, в биохимию, в законы физики. Магия была уделом детских сказок и фэнтези-романов, которые я иногда читала в самолетах, чтобы отвлечься от реальности. Но реальность сейчас пахла сандалом и угрозой.

Дверь справа бесшумно отворилась.

Я мгновенно напряглась, принимая оборонительную позу, насколько позволяли оковы. В комнату вошли три женщины. Они были одеты в одинаковые темно-синие халаты с широкими рукавами, перехваченные поясами цвета слоновой кости. Их волосы были собраны в тугие узлы на затылке, лица лишены макияжа, взгляды опущены вниз. Они двигались синхронно, тихо, словно тени.

— Госпожа проснулась, — произнесла та, что шла первой. Ее голос был тихим, лишенным эмоций, как у медсестры, сообщавшей о времени приема лекарств. — Приступайте к омовению. До церемонии осталось менее часа.

Я открыла рот, чтобы спросить: «Где я?», «Кто вы?», «Что это за место?». Но горло пересохло, и вместо слов вырвался лишь хриплый кашель.

Женщины не обратили на это внимания. Они подошли к огромной деревянной кадке, стоявшей в центре комнаты, и начали подливать воду из кувшинов. Пар поднялся густым облаком, усиливая запах трав.

— Помогите мне встать, — сказала я. Мой голос звучал чуждо. Ниже, мягче, с легким акцентом, которого у меня никогда не было. Язык, на котором я говорила, был мне знаком, но слова складывались в голове иначе, будто я думала на русском, а говорила на китайском, который знала лишь по нескольким учебным курсам. И тем не менее, я понимала их смысл.

Старшая служанка, та самая, что говорила первой, наконец подняла глаза. В них не было ни жалости, ни злобы. Только профессиональная отстраненность.

— Госпожа Ли Ань слаба после ритуала пробуждения, — сказала она. — Мы поможем вам. Но сопротивляться бесполезно. Оковы реагируют на страх и агрессию. Чем спокойнее вы будете, тем меньше боли испытаете.

“Ли Ань.”

Имя упало в мое сознание, как камень в воду, вызывая рябь воспоминаний, которые не принадлежали мне. Образы всплывали фрагментарно: высокий мужчина с холодными глазами, крики в коридоре, звук падающего тела, вкус крови во рту. Отец? Министр? Казнь?

Я зажмурилась, пытаясь отгородиться от этих чужих воспоминаний. Я — Алиса Волкова. Хирург. Тридцать четыре года. Санкт-Петербург. У меня есть квартира на Васильевском острове, кот Барсик и незаконченная диссертация по регенерации нервных тканей.

Но когда я снова открыла глаза, передо мной отражалось не мое лицо.

Служанки помогли мне встать и подвели к зеркалу в полный рост, обрамленному бронзой.

Я ахнула.

Из зеркала на меня смотрела девушка лет двадцати, не больше. Хрупкая, с фарфорово-бледной кожей и большими, миндалевидными глазами цвета темного меда. Черные волосы, густые и блестящие, спадали на плечи тяжелой волной. Черты лица были изящными, почти кукольными, но в глубине глаз читался такой ужас, который мог принадлежать только взрослому человеку, пережившему ад.

Это была не я. И все же, когда я подняла руку, девушка в зеркале сделала то же самое.

— Это сон, — прошептала я. — Галлюцинация после травмы мозга. Кома.

— Это реальность, Госпожа, — тихо сказала служанка, начиная раздевать меня. Шелковая рубашка скользнула с плеч, обнажая тело, которое я узнавала и не узнавала одновременно. Оно было моложе моего собственного, более хрупкое, без шрама от аппендицита на животе и без следов от старых ожогов на предплечье. Но оно было живым. Теплым. Дышащим.

Меня опустили в кадку с горячей водой. Тепло обожгло кожу, заставив мышцы расслабиться против воли. Служанки начали мыть меня губками, пропитанными ароматными маслами. Их движения были механическими, лишенными интимности. Для них я была не человеком, а объектом, который нужно подготовить к процедуре.

Я закрыла глаза, пытаясь взять ситуацию под контроль. Если это не кома, если это не галлюцинация, значит, произошло нечто невозможное. Перемещение сознания? Реинкарнация? Попаданчество? Термины из интернет-фольклора всплывали в памяти, вызывая горькую усмешку. Я всегда смеялась над такими историями. А теперь сама стала главной героиней дешевого романа.

«Ладно», — подумала я, открывая глаза и глядя на свои руки, погруженные в мутную от трав воду. «Если я здесь, значит, у меня есть тело. Если есть тело, значит, есть физиология. Если есть физиология, значит, есть правила. А правила можно и нужно изучить».

Я начала анализировать свое новое состояние, отключая эмоции и включая холодный разум хирурга.

Телосложение: Эктоморфное. Низкая мышечная масса. Вероятно, ведет малоподвижный образ жизни.

Кожа: Чистая, без видимых патологий. Следов побоев нет, хотя воспоминания Ли Ань намекали на стресс.

Оковы: Металл неизвестного состава. Легкий, но прочный. Пульсация синхронизирована с сердцем. Вероятно, магический артефакт, действующий как ограничитель. Боль возникает при попытке выйти за радиус действия или при сильном эмоциональном всплеске. Вывод: нужно сохранять спокойствие.

Окружение: Архитектура напоминает традиционную китайскую или японскую. Резьба, шелка, благовония. Но технологии? Электричества нет. Освещение — свечи и масляные лампы. Уровень развития общества — феодальный или псевдо-феодальный.

— Кто я? — спросила я, глядя на старшую служанку. Та поливала мои волосы отваром из каких-то темных листьев.

Служанка замерла на мгновение, затем продолжила работу.

— Вы — Ли Ань, единственная дочь казненного министра Ли Вэя, — ответила она буднично. — И сегодня вы становитесь Невестой Стихий.

“Казненного министра.”

Кусок мозаики встал на место. Воспоминания Ли Ань были обрывочными, но теперь они сложились в картину. Ее отца обвинили в измене. Семью лишили титулов. Отца казнили на площади. Мать умерла от горя. А ее, Ли Ань, оставили в живых не из милосердия, а как плату. Долг отца перед Империей, который нельзя оплатить золотом, можно оплатить кровью… или чем-то другим.

— Невестой Стихий? — переспросила я. — Что это значит?

Служанки переглянулись. В их взглядах мелькнуло что-то похожее на жалость, но оно быстро исчезло, сменившись страхом.

— Вы узнаете это скоро, Госпожа, — сказала старшая. — А сейчас нам нужно закончить. Время не ждет. Повелители не любят ждать.

“Повелители?”

Множественное число? Я не ослышалась?

Я почувствовала, как холодок пробежал по спине, несмотря на горячую воду.

Меня вытащили из воды, завернули в мягкие полотенца и усадили перед низким столиком, заваленным косметикой. Начался процесс преображения.

Мои волосы высушили и начали укладывать. Это было мучительно. Тяжелые деревянные гребни драли спутанные пряди, пальцы служанок туго стягивали волосы в сложные узлы. На голову водрузили тяжелую золотую корону-диадему, украшенную нефритом и жемчугом. Вес давил на шею, заставляя держать голову прямо, гордо.

Затем началась одежда.

Сначала надели нижние слои — тонкие шелковые рубахи, одна поверх другой. Белая, затем бледно-розовая, затем алая. Каждый слой затягивали поясом, фиксируя талию. Я чувствовала, как дыхание становится затрудненным. Корсет? Нет, просто многослойность и плотная ткань.

Наконец, принесли главное платье.

Хунпао. Традиционное свадебное одеяние ярко-красного цвета. Ткань была тяжелой, парчовой, вышитой золотыми нитями. Узоры изображали фениксов, взлетающих в небо, и пионы, символ богатства и чести. Но мне эти птицы казались хищными, а цветы — слишком крупными, почти мясистыми.

Меня облачили в платье с помощью четырех служанок. Ткань шуршала, как сухие листья. Застежки на спине защелкивались одна за другой, каждый щелчок отдавался в ушах как выстрел затвора.

Когда процесс завершился, я едва могла двигаться. Платье весило килограммов десять, если не больше. Золотые украшения на шее, ушах и в волосах добавляли еще несколько килограммов давления. Я чувствовала себя не человеком, а статуей, одетой в драгоценности.

— Встаньте, Госпожа, — приказала старшая служанка.

Я оперлась на край столика и медленно поднялась. Ноги дрожали. Центр тяжести сместился. Я сделала шаг, другой. Тяжесть платья тянула вниз, заставляя двигаться медленно, плавно, величественно. Именно так, как должно двигаться существо, предназначенное для показа, а не для действия.

Меня подвели к окну.

Окно было высоким, узким, закрытым решеткой из резного нефрита. Сквозь ячейки виден был двор.

Я прижалась лбом к холодному камню и посмотрела наружу.

То, что я увидела, заставило мою кровь застыть в венах.

Нефритовый Дворец возвышался над мрачным, скалистым ландшафтом. Вокруг не было зеленых садов или цветущих деревьев. Только серые камни, острые пики гор, уходящие в низкие, свинцовые тучи. Воздух казался густым, насыщенным статическим электричеством. Вдали, на горизонте, виднелись силуэты других построек — пагод с изогнутыми крышами, похожими на когти хищных птиц.

Но самым страшным были не горы.

По двору, мощенному черным камнем, маршировали стражники. Они были высокими, неестественно худыми, одетыми в черные доспехи, скрывающие лица. Их движения были дерганными, нечеловеческими. А над их головами, в сумеречном небе, кружили тени. Большие, крылатые тени, которые издавали звуки, похожие на скрежет металла по стеклу.

“Демоны.”

Слово возникло в голове само собой. Не метафора. Не аллегория. Реальные, физические существа, обладающие силой, превосходящей человеческую.

Я отшатнулась от окна, чувствуя, как паника подступает к горлу горячей волной. Сердце забилось чаще.

“Тук-тук-тук.”

Оковы на запястьях вспыхнули ярче, и в кости впилась тупая боль.

— Спокойно, Госпожа, — предупредила служанка, заметив мое побледневшее лицо. — Страх усиливает боль. Дышите.

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

Вдох. Два, три, четыре. Задержка. Выдох. Два, три, четыре, пять, шесть.

Техника квадратного дыхания, которую я использовала перед сложными операциями.

Боль немного отступила. Пульс стабилизировался.

«Я не могу паниковать», — сказала себе я. «Паника убивает. Паника делает ошибки. Мне нужно думать».

Я была в теле молодой девушки, дочери врага государства. Меня собирались выдать замуж. За кого? За «Повелителей». Во множественном числе. И судя по тому, что я видела за окном, эти Повелители не были обычными людьми.

«Если они демоны», — рассуждала я, открывая глаза и глядя на свое отражение в темном стекле окна, — «значит, у них есть физиология. Даже если она отличается от человеческой. У них есть уязвимости. У всего живого есть уязвимости».

Я посмотрела на свои руки, закованные в пульсирующие браслеты.

«Эти оковы — ключ. Или замок. Нужно понять, как они работают. Нужно понять правила этой игры».

Дверь в комнату снова открылась. На этот раз вошли не служанки, а двое мужчин в строгих черных одеждах. Их лица были скрыты масками из белого фарфора, изображающими бесстрастные улыбки.

— Время пришло, — сказал один из них. Голос был глухим, искаженным маской. — Невеста должна предстать перед Советом Пяти.

Я выпрямилась. Тяжесть платья давила на плечи, золото холодило лоб, но внутри меня зажигался маленький, упрямый огонек. Тот самый огонек, который помог мне пройти ординатуру, выжить в первых самостоятельных дежурствах и не сломаться после смерти любимого человека годы назад.

Я была хирургом. Я умела работать в условиях, когда время истекало, когда ресурсы были ограничены, а цена ошибки равнялась жизни.

Сейчас на кону стояла моя жизнь. И, возможно, нечто большее.

— Я готова, — сказала я. Мой голос звучал твердо, несмотря на дрожь в коленях.

Стражники шагнули вперед, чтобы взять меня под руки, но я подняла подбородок.

— Я пойду сама, — сказала я. — Покажите дорогу.

Мужчины в масках переглянулись, но ничего не сказали. Они просто развернулись и пошли к выходу.

Я сделала первый шаг. Потом второй. Тяжелое красное платье шуршало по каменному полу, создавая ритм, похожий на сердцебиение.

Шурх-шурх. Шурх-шурх.

Я вышла из комнаты, оставляя позади запах сандала и иллюзию безопасности. Передо мной простирался длинный коридор, освещенный редкими факелами. Стены были украшены фресками, изображающими битвы людей с чудовищами. Люди на фресках проигрывали.

Я шла по коридору, чувствуя на себе взгляды невидимых глаз. Я знала, что меня ведут на казнь. Медленную, ритуальную, облаченную в брачные одежды. Но я также знала одно: хирурги не сдаются, пока пациент дышит.

А я дышала.

И пока я дышала, у меня был шанс.

Шанс найти слабость в броне демона. Шанс понять природу своих оков. Шанс превратить свою клетку в операционную, где я буду не жертвой, а врачом.

Даже если пациентом окажется весь этот безумный мир.

Коридор закончился огромными двустворчатыми дверями из черного дерева, инкрустированного серебром. Стражники остановились. Один из них толкнул дверь.

Она отворилась с тяжелым скрипом, открывая путь в зал, залитый холодным, мертвым светом.

Алиса Волкова, ныне известная как Ли Ань, переступила порог.

Впереди меня ждали Пять Повелителей.

И моя новая жизнь.

****

Пробуждение и Оковы

Отражение в зеркале (Ли Ань)

Ритуальное омовение

Свадебный наряд Хунпао
Вид из окна (Демоны и Дворец)
Коридор перед встречей

Глава 2. Тронный Зал Пяти Теней

Двери распахнулись, и меня охватило дыхание зала.

Это было не просто помещение. Это была пасть чудовища, выдолбленная в скале и украшенная с пугающей роскошью. Воздух здесь был другим — густым, тяжелым, насыщенным озоном и древней пылью. Он давил на грудную клетку сильнее, чем многослойное шелковое платье, заставляя легкие работать на пределе.

Я сделала шаг через порог. Камень под ногами сменился полированным черным мрамором, настолько гладким, что он отражал мое искаженное, дрожащее отражение. Зал был огромным. Потолок терялся в темноте, поддерживаемый колоннами из белого нефрита, каждая толщиной с обхват трех человек. Между колоннами висели гигантские бронзовые курильницы, из которых поднимались струйки дыма, формируя призрачные фигуры, танцующие в полумраке.

Но все мое внимание, весь мой хирургический фокус был прикован к дальнему концу зала.

Там, на возвышении, располагались пять тронов.

Они не стояли в ряд, как принято у человеческих монархов, демонстрирующих иерархию. Они были расположены полукругом, образуя амфитеатр, центром которого должна была стать я. Каждый трон был уникален, воплощая стихию своего владельца, и вместе они создавали картину диссонанса, от которой начинала болеть голова.

Слева, на троне из матового серебра и льда, сидел Лорд Хань. Его фигура казалась выточенной из самого холода. Даже с такого расстояния я чувствовала исходящий от него морозный воздух, который конденсировался в легкие облачка пара вокруг его плеч. Его одежда — белое одеяние с серебряной вышивкой, напоминающей иней на стекле, — казалось невесомой, но взгляд его ледяных глаз имел физический вес.

Рядом с ним, на троне, сплетенном из живых корней бамбука и черного дерева, восседал Лорд Лэй. Вокруг него постоянно потрескивали мелкие электрические разряды, освещая его лицо зеленоватым, болезненным светом. Его пальцы барабанили по подлокотникам в быстром, нервном ритме, синхронизируясь с грохотом грома где-то далеко за стенами дворца.

В центре, на троне из вулканического камня, пылавшего внутренним жаром, сидел Лорд Янь. Он не просто сидел — он излучал энергию. Красные и золотые ткани его одежд казались жидкими, переливающимися, как лава. Его глаза горели настоящим огнем, без зрачков, только два раскаленных угля в глубоких орбитах. От него исходила волна жара, которая сталкивалась с холодом Хань, создавая в зале нестабильные потоки воздуха.

Справа от центра, на массивном троне из гранита и необработанного камня, замер Лорд Ши. Он был неподвижен, как статуя. Его широкие плечи, покрытые частичной каменной бронёй, казалось, держали на себе тяжесть всего здания. Он не двигался, не моргал. Казалось, что если он вдохнет, горы вокруг рухнут.

И наконец, крайний справа, на троне, который словно состоял из самой тьмы и теней, сидел Лорд Ю. Его очертания были размыты, будто он находился не в фокусе. Черные крылья за его спиной медленно пульсировали, растворяясь в воздухе. Его лицо было скрыто полупрозрачной вуалью, но я чувствовала его взгляд — пустой, всепроникающий, сканирующий мои мысли еще до того, как они оформились в слова.

Пять демонов. Пять стихий. Пять смертельных опасностей.

Откуда я все это знала, я не понимала. Но я точно это знала и понимала кто передо мной.

Стражники в фарфоровых масках остановились у входа, не смея ступить дальше определенной линии, выложенной красным камнем. Один из них слегка подтолкнул меня в спину. Жест был вежливым, но дающим понять, что просто постоять у меня не выйдет.

— Иди, — прошептал он. Голос эхом отразился от стен, множась и искажаясь.

Я выпрямила спину. Боль в запястьях от оков пульсировала в такт сердцу, напоминая о моем положении. Но внутри меня включился тот самый механизм, который позволял мне стоять над открытой грудной клеткой пациента, когда руки ассистентов дрожали. Холодный расчет. Анализ. Действие.

Я начала идти.

Шаг. Шурх красного шелка.

Шаг. Тяжесть золота на голове.

Шаг. Взгляды пяти пар нечеловеческих глаз, буравящие меня насквозь.

Зал был тихим, но эта тишина была обманчивой. Она гудела низкочастотной вибрацией, которую я ощущала костями. Это был резонанс их сил. Хаос, сдерживаемый лишь их волей.

По мере того как я приближалась к возвышению, детали становились четче, и каждый новый штрих добавлял ужаса в общую картину.

Лорд Хань не просто был бледным. Его кожа имела оттенок голубоватого мрамора, а на висках виднелись тонкие, почти прозрачные рога, закрученные спиралью, как у горного козла, но сделанные из чистого льда. Они ловили свет факелов, преломляя его в радужные блики.

Лорд Лэй дергался. Его движения были резкими, дерганым. В волосах, черных как смоль, пробегали искры. На его шее, там, где воротник рубашки был расстегнут, я увидела шрамы — ожоги от собственных молний? Или следы борьбы?

Лорд Янь улыбался. Это была не добрая улыбка. Это был оскал хищника, предвкушающего добычу. Его губы были темно-багровыми, а зубы... когда он чуть приоткрыл рот, я заметила, что клыки длиннее обычных, острые, как иглы.

Лорд Ши был огромным. Его рост, даже сидя, казался внушительным, а если бы он встал, он наверняка возвышался бы над остальными. Его кожа на руках и лице местами переходила в серый камень, сливаясь с троном. Казалось, он постепенно врастает в свою власть, становясь частью архитектуры дворца.

Лорд Ю был самым тревожным. Тени вокруг него вели себя независимо от источника света. Они ползли по полу, поднимались по колоннам, тянулись ко мне, как щупальца. Я не видела его глаз за вуалью, но чувствовала, как они скользят по моей коже, оставляя ощущение липкого холода.

Когда я достигла подножия возвышения, мне пришлось остановиться. Ступеньки были высокими, неудобными для моего платья. Я подняла голову, встречаясь взглядами с каждым из них по очереди.

— Ли Ань, дочь Ли Вэя, — произнес голос. Он раздался откуда-то сверху, громкий, бархатный и одновременно режущий, как бритва. Это говорил Лорд Ю. Его голос звучал сразу в обоих ушах и где-то в затылке. — Ты пришла заплатить долг своего рода.

Я молчала. Говорить сейчас было опасно. Любое слово могло быть истолковано как дерзость или слабость. Я просто стояла, сохраняя лицо непроницаемой маской, хотя внутри каждый нерв был натянут, как струна.

— Она красива, — заметил Лорд Янь. Его голос был хриплым, похожим на треск горящих дров. — Но хрупка. Слишком хрупка для нас. Боюсь, она сломается раньше, чем мы начнем.

— Хрупкость обманчива, брат, — ответил Лорд Хань. Его голос был тихим, ледяным, заставляющим кровь стыть в венах. — Стекло тоже хрупко, пока не разрежет тебе горло. Посмотрим, есть ли у нее острота.

— Хватит игр, — прорычал Лорд Лэй. Электрический разряд прошел по его руке, оставив запах озона. — Ритуал ждет. Чем быстрее мы закончим, тем быстрее получим то, что нам нужно. Моя голова раскалывается.

Лорд Ши молчал. Он просто смотрел на меня своими каменными, бесстрастными глазами. В этом молчании было больше угрозы, чем в словах остальных.

Лорд Ю поднял руку. Длинный, изящный палец с черным ногтем указал на меня.

— Поднимись, — приказал он.

Я сделала шаг на первую ступень. Потом на вторую. Платье волочилось за мной, шурша, как предупреждение. Когда я оказалась на уровне их тронов, я почувствовала давление их ауры физически. Это было похоже на погружение на большую глубину: давление на барабанные перепонки, на грудь, на глаза.

Меня окружили.

Пять демонов встали со своих тронов. Их тени вытянулись, слившись в единое пятно тьмы под нашими ногами. Они образовали круг вокруг меня, замкнув пространство. Я оказалась в эпицентре шторма.

— Ты знаешь, зачем ты здесь? — спросил Лорд Хань, подходя ближе. Он был высоким, худощавым, с аристократически тонкими чертами лица, которые делали его красоту пугающей. От него исходил такой холод, что на моих ресницах начал оседать иней.

— Чтобы стать Невестой Стихий, — ответила я. Мой голос звучал ровно, хотя горло сжималось от спазма.

— Не просто невестой, — поправил Лорд Янь, оказавшись справа от меня. Жар от него был невыносимым. Пот мгновенно выступил у меня на лбу, смешиваясь с пудрой. — Сосудом. Источником. Жертвой.

Он протянул руку и коснулся моей щеки. Его пальцы были горячими, обжигающими. Кожа под его прикосновением покраснела, но он не убрал руку. Наоборот, его большой палец провел по моей скуле, оставляя след жара.

— У тебя хорошая кровь, — прошептал он, вдыхая мой запах. — Чистая. Невинная. Полная жизни. Именно то, что нам нужно, чтобы заглушить голод.

Я подавила желание отшатнуться.

Не показывай страх. Страх — это пища.

— Мы не выбираем одну, — сказал Лорд Лэй, появляясь слева. Его глаза метались, зрачки расширялись и сужались. — Мы берем всех. Или никого. Но сегодня... сегодня мы возьмем тебя.

— Почему? — вырвалось у меня. Вопрос был рискованным, но мне нужно было понять логику. Если я понимала правила, я могла найти лазейку.

Лорд Ю рассмеялся. Смех был тихим, многоголосым, эхом отдающимся в пустоте зала.

— Потому что твой отец предал баланс, — сказал он, подходя вплотную. Его вуаль колыхнулась, и на мгновение я увидела глаза — полностью черные, без белков, как две капли нефти. — Он попытался использовать силу стихий против нас. Он нарушил договор. Теперь его кровь должна восстановить связь. Ты — ключ, Ли Ань. Ключ, который мы повернем, чтобы открыть дверь в наше бессмертие.

— Бессмертие ценой чужой жизни? — спросила я.

— Ценой чужой “свободы”, — уточнил Лорд Хань. — Жизнь мы тебе оставим. Пока она будет полезна.

Он поднял руку. В его ладони материализовался кристалл льда, сложный, геометрически идеальный, сияющий мертвенно-голубым светом.

— Приготовьтесь, — командным тоном сказал Лорд Ши. Его голос был низким, гулким, как удар гонга. Впервые он заговорил, и от звуковой волны у меня заложило уши.

Демоны заняли позиции. Хань — спереди, перед моим лбом. Янь — справа, у моего сердца. Лэй — слева, у моего левого плеча. Ши — сзади, у моей спины. Ю — надо мной, его тень накрыла меня целиком.

— Ритуал Пяти Печатей, — объявил Лорд Ю. — Начнем.

Хань первым коснулся моего лба.

Его прикосновение было не просто холодным. Оно было абсолютным нулем. Боль пронзила мозг, острая, ледяная, словно в череп вбили гвоздь из льда. Я вскрикнула, но звук застрял в горле.

“Печать Льда.”

Визуально это выглядело так: из кристалла в руке Хань вырвалась тонкая нить белого света. Она вошла в мою кожу на лбу, между бровями, и растеклась по телу, оставляя за собой след онемения. Мои мысли замедлились. Эмоции замерзли. Я почувствовала, как часть моей личности, моя воля, отделяется и упаковывается в ледяную камеру.

Затем пришел Янь.

Он прижал ладонь к моей груди, прямо над сердцем. Жар был адским. Сердце забилось так быстро, что стало неразличимым гулом.

“Печать Огня.”

Красная нить энергии впилась в мою грудную клетку. Она не обжигала кожу, она горела внутри. Я почувствовала, как моя жизненная энергия, мое “ци”, начинает бурлить, вскипать, требуя выхода. Боль была жгучей, пульсирующей, заставляющей каждую клетку тела кричать от перегрузки.

Лорд Лэй схватил мое левое запястье, туда, где уже были оковы.

“Печать Грома.”

Зеленая молния ударила в мою нервную систему. Это была не внешняя боль, а внутренний хаос. Мои нервы загорелись. Каждое движение, каждая мысль сопровождались электрическим разрядом. Я потеряла контроль над мышцами левой руки, она задергалась в конвульсиях. Ярость Лэя передалась мне — слепая, бессмысленная ярость, желающая разрушать.

Лорд Ши положил свои тяжелые, каменные руки мне на плечи и спустил их вдоль позвоночника.

“Печать Земли.”

Тяжесть. Невыносимая, давящая тяжесть. Будто на меня положили плиту из гранита. Мои колени подогнулись. Я едва устояла на ногах. Энергия земли входила в меня медленно, вязко, заполняя мышцы свинцом. Я чувствовала, как моя подвижность исчезает, как желание бороться сменяется апатией и покорностью камню.

И наконец, Лорд Ю.

Он не коснулся меня руками. Он наклонился и коснулся губами моей шеи, там, где билась сонная артерия.

“Печать Тьмы.”

Холод, отличный от холода Хань. Это был холод пустоты. Тьма проникла в мой разум, размывая границы «я». Воспоминания о Петербурге, о квартире, о коте Барсике начали блекнуть, становиться серыми, далекими. Я забывала, кто я такая. Я забывала свое имя. Оставался только страх и боль.

Пять нитей энергии — белая, красная, зеленая, коричневая и черная — сплелись внутри моего тела. Они встретились в районе солнечного сплетения и взорвались.

Боль была тотальной.

Это не была боль от раны. Это была боль от насильственного вторжения в саму суть моего существа. Мои демоны-пациенты кричали бы от такого вмешательства. Их души выворачивали наизнанку, сшивали заново грубыми, магическими нитками, не заботясь о совместимости тканей.

Я упала на колени.

Тяжелое платье распласталось вокруг меня, как лужа крови. Голова раскалывалась. Сердце билось в режиме тахикардии, граничащей с фибрилляцией. Нервы горели. Мышцы окаменели. Разум тонул во тьме.

Я задыхалась. Воздуха не хватало.

— Держи ее, — услышала я голос Хань, далекий и искаженный.

Чьи-то руки схватили меня за плечи, не давая упасть лицом вниз. Это были стражники? Нет. Это были сами Повелители. Хань держал меня за одно плечо, Янь — за другое. Их прикосновения теперь не обжигали и не морозили, они пульсировали в унисон с печатями.

Магические нити продолжали плестись. Я чувствовала, как они формируют сложную геометрию внутри моей груди. Пентаграмму. Пять вершин, соединенных линиями силы, с моим сердцем в центре.

«Умру,» — пронеслось в голове. «Сердце не выдержит такой нагрузки. Остановка. Клиническая смерть.»

Но смерть не приходила. Вместо этого пришло нечто худшее.

Связь.

Я вдруг почувствовала их. Не как внешних наблюдателей, а как часть себя.

Я почувствовала вечный, ноющий холод Хань, его одиночество, которое было старше гор.

Я почувствовала ярость Лэя, его постоянную боль от перегрузки нервной системы, его страх перед собственным разумом.

Я почувствовала голод Янь, пустоту в желудке, которую нельзя заполнить едой, только чужой жизнью.

Я почувствовала тяжесть Ши, его медленное окаменение, потерю чувств, превращение в объект.

И я почувствовала пустоту Ю, его потерю идентичности, кошмары, в которых он жил, не различая сна и реальности.

Их боль стала моей болью. Их травмы отпечатались на моей душе, как шрамы на теле.

Я закричала. Крик вырвался из глубины легких, сырой и животный.

И в этот момент печати завершили формирование.

Вспышка света ослепила меня. Белая, красная, зеленая, коричневая и черная энергии слились в ослепительно-серый туман, который заполнил зал.

А затем тишина.

Тяжелая, звенящая тишина.

Я лежала на холодном мраморе, тяжело дыша. Мое тело больше не принадлежало мне полностью. Оно стало общим домом для пяти демонических сущностей. Оковы на запястьях перестали пульсировать отдельно — теперь они светились ровным, тусклым светом, синхронизированным с пятью точками боли внутри меня: лоб, грудь, левое плечо, спина, шея.

Надо мной склонились пять лиц.

Лорд Хань смотрел на меня с любопытством ученого, изучающего новый, неожиданный результат эксперимента.

Лорд Лэй выглядел удовлетворенным, его нервная дрожь немного утихла, будто часть его напряжения перетекла в меня.

Лорд Янь облизывал губы, его глаза горели ярче, насытившись первым глотком моей энергии.

Лорд Ши снова был неподвижен, но в его каменных глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение.

Лорд Ю снял вуаль.

Его лицо было прекрасным и ужасным одновременно. Бледная кожа, высокие скулы, губы цвета запекшейся крови. И глаза... теперь они не были полностью черными. В глубине тьмы появились маленькие, мерцающие звезды. Он улыбнулся, и эта улыбка была самой страшной из всех.

— Добро пожаловать домой, Ли Ань, — произнес он мягко.

Хань выпрямился и отступил на шаг. Он посмотрел на свои руки, затем на меня.

— Связь установлена, — констатировал он. — Аура стабилизирована. Она выжила.

— Пока что, — добавил Янь, проводя пальцем по моей щеке. На этот раз его прикосновение не обожгло, но оставило чувство грязного обладания. — Но она пуста. Нам нужно наполнить сосуд.

— Сегодня ночь первого союза, — сказал Лорд Лэй, потирая виски. — Кто начнет?

Вопрос повис в воздухе, тяжелый и непристойный.

Я лежала на полу, не в силах пошевелиться. Мои мышцы отказывались слушаться. Магия печатей блокировала моторные функции, оставляя меня в сознании, но парализованной. Я могла только смотреть и слышать.

— По традиции, — сказал Лорд Ю, его голос скользил по моему разуму, — право первой ночи принадлежит тому, чья стихия доминирует в момент связывания.

Он посмотрел на Хань.

Хань усмехнулся. Холодная, жестокая усмешка.

— Лед всегда проникает первым, — сказал он. — Он замораживает, чтобы сохранить.

Он сделал шаг ко мне.

Я хотела сопротивляться. Хотела ударить. Хотела закричать. Но мое тело было чужим. Печати держали меня крепче любых кандалов. Я была марионеткой, а нити держали пятеро кукловодов.

Хань наклонился и взял меня на руки. Его прикосновение было ледяным, но твердым. Он поднял меня легко, как перышко. Моя голова бессильно откинулась назад.

— Не бойся, — прошептал он мне на ухо. Его дыхание было морозным. — Боль скоро пройдет. Останется только холод. И мы научимся любить холод.

Он понес меня к выходу из зала. Остальные демоны наблюдали за нами. Я видела их лица, проходя мимо.

Янь облизывался, ожидая своей очереди.

Лэй уже смотрел в сторону, проверяя что-то в свитке, видимо, пытаясь отвлечься от нарастающего возбуждения.

Ши вернулся на свой трон, снова став статуей.

Ю смотрел мне в глаза, и в его взгляде я прочитала обещание: “Ты никуда не денешься. Ты теперь часть нас.”

Двери зала захлопнулись за нами, отрезая меня от последнего проблеска надежды на спасение извне.

Мы вышли в коридор. Стражники расступились, опуская головы.

Хань нес меня уверенно, его шаги были бесшумными. Я смотрела на потолок, на резные узоры, которые теперь казались мне тюремной решеткой.

“Анализ,” — приказала я своему мозгу. “Отключи эмоции. Анализируй данные.”

Диагноз: Множественное магическое вмешательство в психофизиологическую структуру субъекта.

Симптомы: Паралич конечностей, диссоциация личности, болевой синдром в пяти точках проекции печатей, эмоциональная лабильность.

Прогноз: Критический. Без вмешательства — деградация личности, истощение жизненных ресурсов, смерть в течение 2-3 лет.

План действий:

1. Выжить эту ночь.

2. Изучить физиологию Лорда Хань. Найти его уязвимость.

3. Использовать его уязвимость против него.

4. Ослабить связь.

5. Найти способ снять печати.

Это был плохой план. Шансы на успех стремились к нулю. Но это был единственный план, который у меня был.

Хань свернул в боковой коридор. Здесь было еще холоднее. Стены были покрыты инеем. Дыхание Хань создавало облачка пара.

— Куда вы меня несете? — спросила я. Мой голос был слабым, хриплым.

— В мои покои, — ответил он, не глядя на меня. — Ледяной Дворец. Там ты будешь учиться терпеть.

— Терпеть что?

Он остановился перед огромной дверью из матового стекла.

— Себя, — сказал он. — И меня.

Дверь открылась.

Внутри было темно и холодно. Пахло снегом и старой кровью.

Хань внес меня внутрь и опустил на широкую кровать, застеленную мехами белых медведей или каких-то других северных зверей. Мех был холодным и жестким.

Он навис надо мной. Его глаза светились в темноте, как два фонаря.

— Сними с меня платье, — приказал он.

Я не могла двигаться.

— Я... не могу, — прошептала я.

Он усмехнулся.

— Верно. Печати еще активны.

Он протянул руку и коснулся застежки на моем плече. Одним движением он разорвал дорогой шелк. Звук рвущейся ткани прозвучал невероятно громко.

Затем второе плечо.

Он не раздевал меня нежно. Он снимал с меня одежду, как хирург снимает стерильные простыни с операционного стола — быстро, эффективно, без лишней сентиментальности.

Когда платье и все нижние накидки упали на пол, я осталась лежать в одном нижнем белье, дрожа от холода и страха.

Хань смотрел на меня. Его взгляд был оценивающим. Он изучал мое тело, отмечая каждую деталь.

— Ты дрожишь, — заметил он.

— Мне холодно, — сказала я.

— Тебе всегда будет холодно со мной, Ли Ань. Привыкай.

Он начал раздеваться. Его движения были плавными, грациозными. Белое одеяние соскользнуло с его плеч, обнажая торс.

Я задержала дыхание.

Его тело было совершенным и пугающим. Мышцы были рельефными, но не перекачанными, как у Ши. Кожа была бледной, почти прозрачной, сквозь нее просвечивали синие вены. Но самое страшное было не это.

По всему его телу, от шеи до бедер, шли шрамы. Не обычные шрамы от ран, а шрамы от обморожений. Темные, некротические пятна, которые никогда не заживали. Его кожа была покрыта сетью трещин, из которых сочился легкий туман.

Он был разрушен изнутри своим же проклятием.

— Ты видишь? — спросил он, заметив мой взгляд.

— Вижу, — ответила я честно.

— Это цена власти, — сказал он, ложась рядом со мной. Матрас прогнулся под его весом. Холод от его тела распространился по кровати, пропитывая меха.

Он положил руку мне на живот. Его ладонь была ледяной.

Я вздрогнула всем телом.

— Не двигайся, — предупредил он.

Он начал медленно водить рукой по моему животу, вверх, к груди. Его прикосновение не было сексуальным в обычном понимании. Оно было исследующим. Он искал тепло. Он искал жизнь.

— Твое сердце бьется быстро, — прошептал он.

— От страха, — сказала я.

— От жизни, — поправил он. — Твоя жизнь греет меня. Не останавливай ее.

Он приблизил свое лицо к моему. Его губы были холодными, как лед.

Когда он поцеловал меня, я почувствовала, как часть моей энергии перетекает в него. Это было похоже на кровотечение, но вместо крови уходило тепло. Слабость разлилась по телу.

Я закрыла глаза.

“Анализируй,” — повторяла я себе. “Наблюдай.”

Его дыхание стало ровнее. Дрожь в его руках, которую я заметила в тронном зале, прекратилась. Ему становилось лучше. Мне становилось хуже.

Но я не сопротивлялась. Я позволила ему брать. Потому что сейчас сопротивление означало смерть. А подчинение давало время.

Время изучить врага.

Время найти трещину во льду.

Время стать хирургом, который оперирует демона.

Поцелуй стал глубже. Рука Хань скользнула ниже.

Я лежала неподвижно, собирая остатки воли в кулак.

“Жди,” — говорила я себе. “Жди и запоминай.”

За окном Ледяного Дворца выл ветер, заметая следы моего прошлого. А внутри, в холодной постели демона, рождалась новая Алиса. Та, которая выживет любой ценой.

Даже если этой ценой станет ее душа.

Глава 3. Клетка для птиц

Холод Ледяного Дворца остался позади, но он не ушел из моего тела. Он въелся в кости, стал частью моей новой физиологии. Когда стражники в фарфоровых масках вывели меня из покоев Лорда Хань и повели по бесконечным коридорам Нефритового Дворца, я чувствовала себя так, словно несла внутри кусок льда, который медленно таял, отравляя кровь.

Печати на моем теле пульсировали ровным, тусклым светом. Пять точек боли: лоб, грудь, плечо, спина, шея. Они больше не были отдельными ранами; они стали нервной системой, связывающей меня с пятью демонами. Я могла ощущать их настроение как фоновый шум. Сейчас этот шум был тяжелым, сытым и равнодушным. Лорд Хань получил то, что хотел — глоток тепла и покоя. Остальные ждали своей очереди.

Меня привели в Гарем Нефритовой Пагоды.

Это место не походило на роскошные покои, где я проснулась накануне утром. Здесь не было сандала и мягкого света свечей. Воздух здесь был спертым, пропитанным запахом старых трав, затхлого шелка и скрытой, вековой скорби. Коридоры были узкими, стены — серыми, без украшений. Окна выходили во внутренний двор-колодец, куда едва проникало небо.

Дверь моей новой комнаты открылась без скрипа. Внутри было темно, если не считать одинокого бумажного фонаря, подвешенного к потолку. Свет его был желтоватым, болезненным. Комната была маленькой, обставленной минималистично: низкая кровать, столик, ширма. Никаких личных вещей. Никаких следов индивидуальности. Это была камера. Клетка для птицы, которую кормят только затем, чтобы она пела для хозяев.

— Располагайтесь, Госпожа, — сказал стражник, и дверь закрылась. Щелчок замка прозвучал оглушительно.

Я осталась одна. Тишина давила на уши.

Первым делом я проверила оковы. Браслеты на запястьях все еще были там, холодные и тяжелые. Я попыталась повернуть руку, исследуя механизм. Металл был монолитным, без замочных скважин, без петель. Магический сплав. Попытка применить силу вызвала ту же глубокую, ноющую боль в костном мозге. Оковы реагировали не на механическое воздействие, а на намерение. На желание свободы.

Вывод: Снять их силой невозможно. Нужно искать магический ключ или ослаблять связь с носителями печатей.

Я села на край кровати. Матрас был жестким. Тело ныло после ритуала и ночи с Хань. Мышцы были перенапряжены, суставы ломило. Но хуже всего было ощущение пустоты внутри. Часть моей энергии ушла к демону, и эта дыра требовала заполнения. Голод. Не физический, а экзистенциальный.

Стук в дверь заставил меня вздрогнуть.

— Войдите, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Дверь открылась, и вошла женщина.

Она была старше меня, возможно, лет тридцати пяти или сорока, но выглядела изможденной, как старуха. Ее волосы, когда-то черные, теперь были тронуты сединой и собраны в небрежный пучок. Лицо было бледным, под глазами залегли глубокие тени. На ней было простое серое платье служанки, но держалась она с достоинством, которое не могли сломить ни годы, ни это место.

В руках она несла поднос с чашкой горячего отвара и небольшим свертком ткани.

— Вы — новая, — сказала она. Голос был тихим, хрипловатым, но спокойным. — Меня зовут Ли Вэй. Я старшая наложница этого крыла.

Она поставила поднос на столик и села напротив меня на циновку. Ее движения были экономными, лишенными суеты.

— Выпейте, — кивнула она на чашку. — Это отвар из корня женьшеня и ангелики. Он поможет восстановить силы после... первой ночи. И после Ритуала.

Я взяла чашку. Отвар был горьким, терпким, но тепло разлилось по желудку, немного заглушая внутреннюю пустоту.

— Спасибо, — сказала я. — Сколько времени я здесь пробуду?

Ли Вэй посмотрела на меня. В ее глазах не было жалости. Только усталая правда.

— Пока вы нужны, Госпожа Ли Ань. Или пока вы не умрете.

Слова прозвучали буднично, как прогноз погоды.

— Умру? — переспросила я, хотя уже знала ответ. Хирург всегда знает прогноз, даже если пациент еще дышит.

— Два-три года, — сказала Ли Вэй. — Максимум четыре, если Повелители будут благосклонны и дадут вам отдых между визитами. Но обычно... обычно они не щадят. Ваша энергия — это их топливо. Чем сильнее демон, тем больше ему нужно. А они... они очень сильны.

Она помолчала, глядя на свои руки. На запястье виднелся бледный шрам — след от таких же оков, которые когда-то носила она сама. Теперь она была свободна от них, но не от последствий.

— Ваше тело молодо, — продолжила она. — Оно выдержит больше, чем другие. Но цена будет выше. Вы будете чувствовать их боль как свою. Их голод станет вашим голодом. Их ярость — вашей яростью. И когда ваше тело истощится, когда ваша душа сотрется до дыр... они просто возьмут следующую.

Я слушала и анализировала. Два-три года. Срок жизни терминального пациента. Стадия кахексии. Истощение ресурсов организма быстрее, чем скорость их восполнения.

— А те, кто был до меня? — спросила я.

Ли Вэй опустила взгляд.

— Некоторые живут в нижних крыльях пагоды. Те, кто еще может ходить. Другие... другие лежат в лазарете. Третьих уже нет. Их тела предают земле за пределами дворца, чтобы не осквернять святую землю демонов.

Она подняла глаза, и в них мелькнула искра чего-то похожего на надежду, или, может быть, просто на любопытство.

— Но вы... вы другая. Я видела, как вы шли по коридору. Вы не плакали. Вы не дрожали. Вы смотрели на стражников так, будто оценивали их анатомию. Кто вы на самом деле, Ли Ань? Дочь министра не обладает таким взглядом.

Я замерла. Прямой вопрос. Проверка.

— Я тот, кто выжил, — ответила я осторожно. — И я не собираюсь умирать через два года.

Ли Вэй усмехнулась. Горько.

— Все так говорят в первую неделю. Потом приходит ночь с Лордом Лэем. Или с Лордом Янем. И слова забываются. Остается только боль.

Она встала.

— Отдыхайте. Завтра вас снова вызовут. Не знаю, к кому. Молитесь, чтобы это был Лорд Ши. Он... спокойнее других.

Она вышла, оставив меня одну с горьким отваром и диагнозом.

Ночь в гареме не была тихой.

Лежа на жесткой кровати, я слышала звуки, которые должны были оставаться скрытыми. Приглушенные стоны из соседних комнат. Шепот. Плач, быстро подавленный рукой. Звук шагов стражников, ведущих очередную жертву к Повелителям. Это была симфония страдания, ритмичная и неизбежная, как сердцебиение самой Империи.

Я не спала. Сон был роскошью, которую я не могла себе позволить. Вместо этого я лежала с открытыми глазами, слушая свое тело.

Печати ныли. Особенно та, что принадлежала Хань. Холод в груди не уходил. Я чувствовала, как моя собственная температура тела понизилась на полградуса. Метаболизм замедлился. Организм переходил в режим экономии энергии, предчувствуя следующую потерю.

“Нужно компенсировать, — думала я. – Нужно найти способ вернуть энергию или заблокировать утечку.”

Я попробовала медитацию. Техника квадратного дыхания. Вдох-задержка-выдох-задержка. Но магия печатей сопротивлялась. Каждый раз, когда я пыталась сосредоточиться на своем «я», сознание размывалось, затягиваясь в воронку чужих эмоций. Ярость Лэя. Голод Янь. Пустота Ю. Тяжесть Ши. Холод Хань.

Это была сенсорная перегрузка. Мой мозг, привыкший к четким сигналам боли и комфорта, теперь получал смешанные, противоречивые данные. Нервная система работала на пределе.

К рассвету я поняла: бороться с магией напрямую бесполезно. Она сильнее. Но магия опирается на носителя. На мое тело. Если я укреплю тело, если я научусь управлять своей физиологией, я смогу создать буфер. Защитный слой между моей душой и их голодом.

Утром, когда служанки принесли завтрак — рисовую кашу и маринованные овощи, — я ела механически, но внимательно. Еда была простой, но питательной. Я заставляла себя есть медленно, тщательно пережевывая, чтобы максимизировать усвоение. Каждое зерно риса было ресурсом. Каждая капля воды — инвестицией в выживание.

После завтрака Ли Вэй пришла снова. На этот раз она не была одна. С ней шла молодая девушка, лет восемнадцати, с испуганными глазами и синяком на скуле, который плохо маскировала пудра. Она держалась за рукав Ли Вэй, как ребенок.

— Это Мин-Чжу, — представила её Ли Вэй. — Вчера была у Лорда Лэя.

Девушка дрожала. Ее дыхание было сбивчивым, поверхностным. Я сразу увидела признаки шока и начинающейся тревожного расстройства. Руки сжимались в кулаки, ногти впивались в ладони.

— Ей плохо, — тихо сказала Ли Вэй. — Она не может успокоиться. Стражники сказали, что если она не придет в себя к вечеру, её отправят в лазарет. А оттуда...

Она не договорила. Но смысл был ясен. Лазарет был предбанником смерти.

— Оставьте нас, — сказала я.

Ли Вэй удивленно подняла бровь, но кивнула и вышла, закрыв дверь.

Мин-Чжу осталась стоять посреди комнаты, глядя в пол.

— Сядь, — сказала я мягко, но твердо. Голосом врача, который знает, что делает.

Девушка послушалась, опустившись на циновку. Она продолжала дрожать.

Я села рядом, соблюдая дистанцию, чтобы не спровоцировать защитную реакцию.

— Посмотри на меня, — сказала я.

Она подняла глаза. В них был животный ужас.

— Ты в безопасности сейчас, — сказала я. — Никто не войдет. Никто не тронет тебя. Ты здесь, в этой комнате. Чувствуешь циновку под собой? Чувствуешь ткань платья?

Она кивнула, глотая воздух.

— Хорошо. Теперь дыши со мной. Вдох... раз, два, три. Выдох... раз, два, три, четыре.

Я начала дышать медленно, демонстрируя ритм. Мин-Чжу попыталась повторить, но у нее получилось судорожно.

— Медленнее, — инструктировала я. — Не бойся воздуха. Он твой.

Мы сидели так несколько минут. Я использовала технику заземления, которую применяла для пациентов с паническими атаками после травм. Переключение внимания с внутренних ощущений страха на внешние стимулы.

— Расскажи мне, что ты видишь, — попросила я.

— Стены... серые, — прошептала она. — Фонарь... желтый. Твои руки... белые.

— Хорошо. А что ты слышишь?

— Твое дыхание. Мои... мои вдохи.

— Отлично. Ты здесь. Ты реальна. Боль, которую ты чувствуешь — это эхо. Оно пройдет. Твое тело помнит удар, но удар уже закончился.

Я осторожно, медленно протянула руку и коснулась её запястья. Не там, где были оковы, а чуть выше, где кожа была теплой. Я искала пульс.

Тахикардия. Сто двадцать. Дыхание все еще частое, но уже не хаотичное.

— Твое сердце бьется быстро, потому что оно защищает тебя, — объяснила я. — Оно качает кровь, чтобы ты могла бежать. Но бежать некуда. Поэтому скажи ему: «Мы в порядке». Скажи это вслух.

— Мы... в порядке, — прошептала Мин-Чжу. Голос дрожал, но в нем появилась интонация.

— Еще раз. Увереннее.

— Мы в порядке.

Я почувствовала, как под моими пальцами пульс начал замедляться. Сто десять. Сто пять. Дыхание стало глубже.

Это была не магия. Это была физиология. Парасимпатическая нервная система, реагирующая на чувство безопасности и ритмичное дыхание. Я не сняла её боль, не стерла память о насилии. Но я дала её телу сигнал, что непосредственная угроза миновала.

Мин-Чжу выдохнула длинно, и плечи её опустились. Слезы потекли по щекам, но это были слезы облегчения, а не истерики.

— Спасибо, — прошептала она.

— Не благодари, — сказала я. — Просто запомни это чувство. Спокойствие — это тоже навык. Его можно тренировать. Как дыхание. Как ходьбу.

Она посмотрела на меня с новым выражением. Не как на жертву, такую же, как она. А как на кого-то, кто знает секрет.

— Вы... вы умеете останавливать боль, — сказала она.

— Я умею управлять реакцией тела на боль, — поправила я. — Боль останется. Но она перестанет управлять тобой.

В этот момент дверь открылась. Вошла Ли Вэй. Она остановилась, увидев спокойное лицо Мин-Чжу и мою руку на её запястье.

— Что ты сделала? — спросила она тихо, с недоверием.

— Ничего магического, — ответила я. — Просто напомнила ей, как дышать.

Ли Вэй подошла ближе, изучая девушку. Мин-Чжу действительно выглядела иначе. Не исцеленной, но... стабилизированной.

— Лорд Лэй обычно ломает их за одну ночь, — сказала Ли Вэй, глядя на меня. — Они приходят сюда пустыми оболочками. А она... она вернулась.

— Она не вернулась, — сказала я. — Она просто не ушла до конца.

Я посмотрела на свои руки. На браслеты, которые пульсировали в такт моему сердцу.

“Если я могу помочь ей, — подумала я, — значит, связь работает в обе стороны. Если я могу влиять на физиологию других, значит, я могу влиять и на свою. И, возможно... на их.”

Идея была безумной. Опасной. Но она была единственной нитью надежды в этом мрачном лабиринте.

— Ли Вэй, — сказала я. — Расскажите мне всё. О каждом из них. Об их привычках. Об их слабостях. О том, как они ведут себя до, во время и после... близости.

Старшая наложница замерла.

— Зачем вам это? — спросила она. — Чтобы избежать боли? Это невозможно.

— Нет, — сказала я, встречаясь с ней взглядом. — Чтобы понять врага. Хирург не оперирует вслепую. Он изучает анатомию. Он знает, где проходит каждый сосуд, каждый нерв. Прежде чем сделать разрез.

В глазах Ли Вэй вспыхнул огонек. Огонек любопытства. Интеллектуального интереса, который годами был погребен под слоем страха и покорности.

— Вы хотите изучить их... как пациентов? — уточнила она. –Как лекарь хирург?

— Я хочу изучить их как систему, — ответила я. — У любой системы есть уязвимости. Даже у демонической.

Ли Вэй молчала долго. Затем она медленно кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Начнем с Лорда Хань. Поскольку вы уже были у него. Его холод... это не просто стихия. Это защита. Он боится тепла, потому что оно напоминает ему о том, что он потерял. Когда он берет энергию, он не насыщается. Он пытается заполнить дыру, которая становится только больше.

Я слушала, запоминая каждое слово. Анализируя. Структурируя.

За окном серело. Новый день начинался в Гареме Нефритовой Пагоды. День, который мог стать последним для кого-то из нас.

Но я больше не была просто жертвой, ожидающей своей очереди.

Я была врачом в больнице, где пациенты были также и палачами. Где диагноз звучал как приговор. Где лечение требовало жертв.

Но хирурги не сдаются. Пока пациент дышит.

А я дышала. И пока я дышала, у меня был шанс.

Шанс спасти себя. И, возможно, тех, кто стоит рядом.

Даже если ими окажутся сами демоны.

Уважаемые читатели, приглашаю вас в наш литмоб

"ОНАВЫБИРАЕТ"

ОБРАТНЫЙ ГАРЕМ

другие книги литмоба можно найти здесь

https://litnet.com/shrt/JYsa

Глава 4. Ночь

Вечер в гареме наступил невероятно быстро и за мной пришли. Я ожидала, что меня поведут к следующему правителю, но меня снова повели в Ледяной Дворец.

Холод в этом месте не просто окружал меня — он проникал внутрь, оседая на легких ледяной пылью. Каждый вдох был испытанием: воздух здесь был настолько сухим и морозным, что слизистые мгновенно пересыхали, а в горле возникало ощущение, будто я глотаю битое стекло.

Стражники в фарфоровых масках вели меня по длинному коридору, выложенному из матового белого камня. Стены были покрыты инеем, который переливался в свете редких фонарей с холодным голубым пламенем. Никакого тепла. Никакого уюта. Только стерильная, мертвая красота льда и серебра. Это было похоже на операционную, где забыли включить обогрев, но добавили декораций для похорон.

Мои оковы пульсировали. Печать Льда на лбу ныла тупой, сверлящей болью, синхронизируясь с биением сердца.

Тук-тук. Холод. Тук-тук. Холод.

Она действовала как маяк, направляя меня к источнику. К нему.

Лорд Хань.

Я шла, стараясь сохранять ровное дыхание. Техника квадратного дыхания стала моим щитом. Вдох на четыре счета. Задержка. Выдох на шесть. Пауза. Это замедляло метаболизм, снижало потребление кислорода и, что важнее, успокаивало нервную систему. Паника была роскошью, которую я не могла себе позволить. Паника ускоряла сердцебиение, а ускоренное сердцебиение означало более быструю утечку энергии через печати.

Впереди показались огромные двустворчатые двери из черного дерева, инкрустированного серебром в виде ледяных узоров. Стражники остановились. Один из них толкнул дверь.

Она отворилась бесшумно, несмотря на свой вес.

— Войдите, — раздался голос из глубины зала. Голос был тихим, ровным, лишенным эмоций. Как звук ломающегося льда на замерзшем озере.

Я переступила порог.

Покои Лорда Хань были огромными. Потолок терялся в темноте, поддерживаемый колоннами из чистого льда, внутри которых, казалось, застыли тени. Пол был зеркальным, отражая мое искаженное, дрожащее отражение в роскошном платье. В центре зала стояла широкая кровать, заваленная мехами белых медведей и снежных барсов. Рядом — низкий столик с графином и кубками из горного хрусталя. Ничего не изменилось с прошлой ночи.

Но мое внимание было приковано не к интерьеру. А к фигуре, сидящей у окна.

Лорд Хань сидел в кресле из резного серебра, спиной ко мне. Он смотрел на заснеженный сад за окном. Его белые одежды казались частью пейзажа, сливаясь с снегом и льдом. Даже со спины он выглядел совершенным: широкие плечи, тонкая талия, длинные ноги. Аристократ до кончиков пальцев.

Но когда он повернулся, я увидела то, что скрыто от глаз обычных женщин.

Он двигался медленно. Слишком медленно для демона, обладающего сверхъестественной силой. Его правая рука опиралась на подлокотник кресла с таким напряжением, что костяшки пальцев побелели. Левая рука лежала на колене неподвижно, словно чужая. Когда он попытался встать, чтобы встретить меня, его лицо исказилось микроскопической гримасой боли. Глаза сузились. Челюсть сжалась.

Это длилось долю секунды. Мгновение. Но мой мозг, натренированный пятнадцатью годами диагностики, зафиксировал это мгновенно.

“Асимметрия движений. Компенсаторное напряжение в здоровой конечности. Микрогримаса боли при нагрузке. Ограничение амплитуды в правом плечевом суставе.”

Артрит? Нет. Что-то хуже. Магическое воспаление суставов? Дегенеративные изменения хрящевой ткани, вызванные вечным холодом? Кристаллизация синовиальной жидкости?

Какой бы ни была причина, результат был очевиден: Лорд Хань, Повелитель Севера, воплощение несокрушимой силы, страдал от хронической, изматывающей боли в суставах. И эта боль была его постоянной спутницей, фоном, на котором разворачивалась вся его жизнь.

Он подошел ко мне. Каждый шаг давался ему с трудом, хотя он тщательно маскировал это высокомерной плавностью движений.

— Ты пришла, — сказал он. Его голос был ровным, но я услышала в нем скрытое напряжение. Боль истощала. Она делала голос тише, суше.

— Я пришла, — ответила я. Мой голос звучал спокойно. Удивительно спокойно.

Он остановился передо мной. Вблизи его красота была пугающей. Бледная кожа, почти прозрачная, сквозь которую просвечивали синие вены. Ледяные рога на висках, закрученные спиралью. Глаза цвета замерзшего озера, без зрачков, только два светящихся кристалла.

Он протянул руку, чтобы коснуться моего лица.

И снова я увидела это микровыражение боли. Его пальцы дрожали. Не от волнения. От усилия. От того, что удержание руки на весу причиняло ему страдание.

Он ожидал, что я отшатнусь. Что я зажмурюсь. Что я начну дрожать, как все остальные женщины до меня. Он привык к страху. Страх был его пищей, его подтверждением власти.

Но я не отшатнулась. Я смотрела на его руку. На суставы. На то, как сухожилия натягиваются под кожей.

— Ваши суставы воспалены, — сказала я тихо.

Слова повисли в воздухе, тяжелые и абсурдные.

Лорд Хань замер. Его рука осталась в воздухе, не достигнув моей щеки. В его ледяных глазах мелькнуло нечто похожее на шок. Затем — гнев. Холодный, убийственный гнев.

— Что ты сказала? — прошептал он. Голос стал тише, опаснее.

— Я сказала, что ваши суставы воспалены, — повторила я, не отводя взгляда. — Правое плечо. Левое колено. Возможно, шейный отдел позвоночника. Если вы надавите на меня так сильно, как планируете, вы сами потеряете равновесие и упадете. А ваша гордость этого не переживет.

Тишина. Абсолютная, звенящая тишина.

Воздух в зале стал еще холоднее. Мороз начал покрывать края моего платья инеем. Это была его реакция. Ярость, смешанная с унижением. Никто никогда не говорил ему этого. Никто не смел видеть его слабость. Для всех он был несокрушимым льдом. А я только что назвала его треснувшим стеклом.

Он медленно опустил руку. Не потому что согласился. А потому что боль действительно стала невыносимой. Я видела, как его челюсть сжалась сильнее. Как дыхание стало прерывистым.

— Ты смеешь... — начал он.

— Я смею говорить правду, — перебила я мягко. — Потому что ложь не принесет вам облегчения. А правда — может.

Я сделала шаг вперед. Нарушая дистанцию. Нарушая правила.

— Позвольте мне сделать вам массаж точек, — предложила я. — Акупунктурный массаж. Снятие мышечного спазма. Улучшение циркуляции энергии в пораженных зонах. Если станет легче... вы отпустите меня на час раньше.

Он смотрел на меня. Долго. Изучающе. В его взгляде боролось недоверие, гнев и... надежда. Крошечная, загнанная в самый дальний угол души надежда на то, что боль может прекратиться. Хоть на мгновение.

— А если мне не станет легче? — спросил он.

— Тогда вы сделаете со мной всё, что планировали. Без скидок. Без жалости. И я не буду сопротивляться.

Честная сделка. Хирургическая точность условий.

Лорд Хань молчал еще несколько секунд. Затем он медленно, с видимым усилием, опустился в свое серебряное кресло.

— Попробуй, — сказал он. Голос был хриплым. — Но помни: если это ловушка, ты умрешь медленнее, чем можешь представить.

— Я знаю, — ответила я.

Я подошла к нему. Встала справа, чтобы работать с его правым плечом — самой пострадавшей зоной.

— Снимите верхнюю одежду, — попросила я. — Мне нужен доступ к мышцам.

Он колебался мгновение. Затем его пальцы, дрожащие от боли, начали расстегивать застежки на воротнике. Белое одеяние соскользнуло с плеча, обнажая торс.

Я задержала дыхание.

Его тело было картой страдания. Кожа была бледной, почти синеватой. Но главное — это были шрамы. Не внешние, а внутренние. Под кожей, в области правого плечевого сустава, виднелось темное, некротическое пятно. Оно пульсировало слабым черным светом. Воспаление. Магическая инфекция, которая разъедала ткани изнутри. Холод не лечил его. Холод консервировал боль, не давая ей ни зажить, ни умереть.

Я протянула руки. Мои ладони были теплыми. Живыми.

Когда я коснулась его кожи, он вздрогнул всем телом. Не от удовольствия. От шока. Тепло человеческих рук было для него чуждым, почти агрессивным ощущением. .

— Расслабьтесь, — прошептала я. — Не сопротивляйтесь теплу.

Я начала массаж. Не обычный, расслабляющий. Терапевтический. Глубокий.

Мои пальцы нашли триггерные точки в трапециевидной мышце. Твердые, болезненные узлы, которые образовались от многих лет хронического напряжения. Я надавила.

Хань вскрикнул. Тихо, сдавленно. Звук, который он, вероятно, не издавал столетиями.

— Больно, — прошипел он.

— Это хорошая боль, — объяснила я, не останавливаясь. — Мышца спазмирована. Она защищает сустав, но одновременно давит на него. Нужно снять напряжение. Дышите. Вдох... выдох...

Я работала методично. Разминала мышцы, растягивала фасции, активировала точки акупунктуры. Мои руки скользили по его коже, находя каждый заблокированный участок энергии. Тепло моих ладоней проникало глубоко, растапливая ледяные кристаллы в тканях.

Через десять минут произошло чудо.

Дрожь в его руке прекратилась. Плечо опустилось. Гримаса боли на лице разгладилась, сменившись выражением... потрясения. Облегчения. Чистого, незамутненного облегчения.

Он открыл глаза и посмотрел на меня. В них больше не было льда. Только удивление. И что-то еще. Что-то теплое. Уязвимое.

— Как... — прошептал он.

— Анатомия, — ответила я. — И тепло. Ваше тело забыло, каково это — быть согретым. Оно запомнило только боль. Я просто напомнила ему другой путь.

Я продолжила массаж. Перешла к шее. К основанию черепа. Там, где начиналась головная боль напряжения.

Его дыхание изменилось. Стало глубже. Ровнее. Он закрыл глаза. Не от боли. От наслаждения. От того, что впервые за века его тело не кричало, а отдыхало.

И в этот момент я почувствовала это.

Обратный поток.

Энергия. Не та, что высасывали из меня демоны. А та, что отдавали они. Тепло. Благодарность. Облегчение. Оно текло от него ко мне, через точки контакта наших тел. Мягкое, золотистое, живое.

Оно заполняло пустоту внутри меня. Ту дыру, которую оставил Ритуал Пяти Печатей. Голод утих. Силы вернулись.

Я поняла: это и есть ключ. Интимность не должна быть односторонней кражей. Она может быть обменом. Если я дам им облегчение, они отдадут мне энергию добровольно. Не как жертве. Как партнеру.

Это изменит всё.

Я закончила массаж плеча и перешла к левой руке. К запястью. К пальцам. Каждый сустав требовал внимания. Каждое прикосновение было диалогом между врачом и пациентом. Между женщиной и демоном.

Когда я закончила, Хань открыл глаза. Он выглядел иначе. Моложе. Живее. Лед в его взгляде растаял, оставив после себя воду. Чистую, прозрачную воду.

— Ты... — начал он. Голос был другим. Мягче. Теплее.

— Вам лучше? — спросила я.

Он медленно поднял правую руку. Повертел кистью. Согнул пальцы. Без боли. Без дрожи.

— Да, — прошептал он. — Намного лучше.

Он посмотрел на меня. Долго. Изучающе. И в этом взгляде не было больше желания обладать. Было желание... понять. Признать.

— Ты сдержала слово, — сказал он. — Теперь я должен сдержать своё.

Он встал. На этот раз легко. Плавно. Без гримасы боли.

— Но час еще не прошел, — добавил он тихо. — И я не хочу, чтобы он прошел.

В его голосе не было приказа. Была просьба. Неуверенная, робкая просьба существа, которое забыло, как просить.

Я посмотрела на него. На демона, который только что позволил мне лечить его. Который только что отдал мне часть своей силы, даже не осознавая этого.

— Тогда давайте проведем этот час правильно, — сказала я.

Я подошла ближе. Настолько близко, что почувствовала запах холода и снега, исходящий от него. Но теперь под этим запахом было что-то еще. Запах живой кожи. Тепла. Жизни.

— Но на моих условиях, — добавила я.

Он поднял бровь.

— Каких?

— Никакого насилия. Никакого принуждения. Только взаимность. Вы получаете тепло и облегчение. Я получаю... удовлетворение. Энергию. Баланс.

Он молчал. Анализируя. Взвешивая.

— Удовлетворение, — повторил он. Слово казалось ему чужим. Непонятным.

— Да. Удовольствие. Наслаждение. То, что вы забыли, потому что боль занимала всё место.

Я протянула руку и коснулась его щеки. Моя ладонь была теплой. Его кожа — прохладной, но уже не ледяной.

— Позвольте мне показать вам, — прошептала я.

Он не отстранился. Наоборот. Он наклонился к моей руке, как цветок к солнцу. Его глаза закрылись. Дыхание участилось.

— Покажи, — прошептал он.

Это было согласие. Он признал меня равной.

Я начала медленно. Нежно. Мои пальцы скользили по его лицу, шее, плечам. Исследуя. Находя новые точки напряжения. Расслабляя их.

Он реагировал на каждое прикосновение. Его тело, привыкшее к боли, училось чувствовать удовольствие. Это был медленный, осторожный процесс. Как реабилитация после тяжелой травмы.

Я поцеловала его. Нежно. Медленно. Мои губы были теплыми. Его — прохладными. Но с каждым поцелуем он становился теплее. Ответнее.

Он осторожно обнял меня. Не хватая. Не сжимая. Обнимая. Бережно. Будто я была хрупким сосудом, который он боялся разбить.

И в этом объятии я почувствовала новый поток энергии. Еще сильнее. Еще ярче. Это была не просто благодарность за массаж. Это было желание. Настоящее, человеческое желание. Смешанное с удивлением и открытием.

Он целовал меня так, будто учился целовать заново. Неуверенно. Осторожно. Но с нарастающей страстью. Страстью, которая не разрушала, а создавала.

Я отвечала ему. Не как жертва, а как женщина. Партнер. Я направляла его. Показывала, где касаться. Как дышать. Как двигаться.

И с каждым движением, с каждым прикосновением, я чувствовала, как энергия течет между нами. Циклично. Взаимно. Он давал мне тепло. Я давала ему облегчение. Мы питали друг друга.

Это не было насилием. Это было танцем. Танцем двух существ, которые нашли друг друга в пустоте.

Когда мы оказались на кровати, среди мехов, я не чувствовала страха. Я чувствовала силу. Силу, которую давало мне знание. Знание его тела. Знание его потребностей. Знание того, как дать ему то, чего он жаждал, и получить взамен то, что нужно мне.

Он был нежным. Невероятно нежным для демона. Его прикосновения были исследующими, любопытными. Он изучал мое тело так же, как я изучала его. С уважением. С благоговением.

И я получала удовольствие. Настоящее, глубокое удовольствие. Не от подчинения. От соединения. От того, что мое тело отзывалось на его прикосновения не страхом, а желанием.

С каждым моментом близости я чувствовала, как пустота внутри заполняется. Не чужой энергией, украденной силой. А собственной силой, возрожденной через взаимность.

Это было откровением.

Интымность могла быть источником силы. Не слабости, а силы.

Когда всё закончилось, он лежал рядом со мной. Его дыхание было ровным. Спокойным. Впервые за века он спал без боли. Без кошмаров. Просто спал.

Я лежала, слушая его дыхание. И чувствуя тепло, которое разливалось по моему телу. Тепло, которое дала мне не магия, а связь. Настоящая, живая связь.

Я знала: это только начало. У каждого из пяти демонов была своя боль. Своя рана. И у каждой раны было лекарство.

Лекарство, которое я могла дать.

И взамен я получала силу, необходимую чтобы изменить те обстоятельства в которых я оказалась.

Я закрыла глаза. И просто уснула, чувствуя себя в безопасности. Завтра будет новый день и новый пациент, а сил мне еще пригодятся.

Глава 5. Диагнозы

Я проснулась от ощущения, которого не испытывала с момента своего прибытия в этот мир. От ощущения покоя.

Рядом со мной, утонув в белоснежных мехах, спал Лорд Хань. Его дыхание было ровным, глубоким и, что самое удивительное, тихим. Исчез тот легкий, свистящий хрип, который сопровождал каждый его вдох, когда легкие боролись с ледяным воздухом. Его лицо, обычно застывшее в маске высокомерного безразличия, теперь было расслабленным. Ледяные рога на висках больше не казались оружием; они просто были частью его лица.

Я лежала неподвижно, боясь нарушить этот хрупкий мир. Мои оковы на запястьях пульсировали мягко, в унисон с его сердцем. Печать Льда на моем лбу больше не сверлила мозг; она просто тихо светилась, как тлеющий уголек.

Я медленно, стараясь не потревожить его, выбралась из кровати. Холод комнаты больше не казался мне враждебным. Я оделась в свой красный хунпао, который служанки аккуратно сложили на низком столике, и тихо скользнула к двери.

На пороге я обернулась. Хань пошевелился во сне, его рука инстинктивно потянулась к тому месту, где я только что лежала. Его пальцы сжались в пустоте, и на его лице на мгновение мелькнула тень тревоги, но он не проснулся. Просто глубоко вздохнул и снова погрузился в забытье.

Я закрыла за собой тяжелую дверь.

Возвращение в Гарем Нефритовой Пагоды было похоже на возвращение из другого мира. Здесь пахло затхлостью, страхом и покорностью. Ли Вэй ждала меня в моей комнате,держа в руках поднос с утренним рисом.

— Вы вернулись, — сказала она, и в ее голосе прозвучало искреннее удивление. — И вы... выглядите иначе.

— Я в порядке, Ли Вэй, — ответила я, садясь за столик. — Мне нужно кое-что у вас попросить.

Она подняла бровь.

— Что именно, Госпожа?

— Бумагу. Тушь. И кисти. Много. И чтобы никто из стражников не знал об этом.

Ли Вэй замерла. В гареме наложницам не полагалось вести дневники. Любые записи могли быть истолкованы как заговор или проклятие. Но она посмотрела на мои глаза — твердые, ясные, лишенные вчерашнего ужаса — и медленно кивнула.

— Я достану свитки, предназначенные для вышивки узоров. Стражники не обратят на них внимания.

К полудню у меня был тайный архив. Я разложила на полу пять длинных свитков. На каждом я вывела иероглиф, обозначающий стихию и имя Повелителя.

Я была хирургом. Я не могла бороться с магией, не могла сражаться с армиями демонов, не могла изменить политический расклад Империи. Но я могла делать то, что умела лучше всего. Я могла ставить диагнозы.

Я взяла кисть и начала писать.

Пациент №1: Лорд Хань (Север, Лед)

Анамнез: Вечное воздействие экстремально низких температур. Изоляция. Отсутствие тактильного контакта, несущего тепло.

Симптомы:

1. Хроническая гипотермия. Температура тела постоянно ниже нормы, что приводит к замедлению метаболизма и вялости тканей.

2. Ревматоидный артрит магической этиологии. Синовиальная жидкость в суставах кристаллизуется, вызывая дегенерацию хрящей и постоянный болевой синдром.

3. Вазоконстрикция (сужение сосудов). Организм постоянно экономит тепло, направляя кровь только к жизненно важным органам, что вызывает ишемию конечностей и хроническое кислородное голодание мышц.

Психологический статус: Эмоциональная блокада. Депрессия, вызванная хронической болью. Страх перед теплом как перед источником боли (парадоксальная реакция обмороженных тканей).

Заключение: Лорд Хань не просто «холоден». Он медленно замерзает изнутри. Его жестокость и отстраненность — это защитный механизм. Он не может позволить себе чувствовать, потому что любое сильное чувство требует энергии, которой у него нет. Вся его жизненная сила уходит на то, чтобы просто не умереть от холода.

Я отложила кисть, глядя на первый свиток. Хань был самым понятным из них. Его болезнь была физической, осязаемой. Я знала, как с ней работать. Тепло. Массаж. Постепенное расширение сосудов. Но впереди были четверо других. И их диагнозы пугали меня гораздо больше.

Сумерки принесли новый вызов. Дверь моей комнаты распахнулась, и на пороге встал стражник. На этот раз на его фарфоровой маске был изображен не бесстрастный рот, а оскал. Гром.

— Лорд Лэй ожидает вас, Госпожа.

Ли Вэй испуганно вжала голову в плечи.

— Только не к Лорду Лэю, — прошептала она, когда стражник вывел меня в коридор. — Он вчера был в ярости. Трое служанок до сих пор в лазарете. Госпожа, будьте осторожны. Не смотрите ему в глаза, когда начинается гроза.

— Я буду осторожна, — ответила я, хотя внутри все сжалось.

Путь к Восточному Павильону был долгим. Воздух становился все более насыщенным озоном. Волосы на моих руках встали дыбом. Статическое электричество было настолько сильным, что металлические застежки моего платья начали слабо искрить.

Меня привели в бамбуковую рощу, которая росла прямо внутри огромного стеклянного купола. Но бамбук здесь был мертвым, почерневшим, словно выжженным молниями. В центре рощи, на каменном постаменте, сидел Лорд Лэй.

Он выглядел ужасно.

Его черные волосы были растрепаны, в них постоянно вспыхивали и гасли зеленые искры. Он раскачивался взад-вперед, крепко сжимая виски ладонями. Его дыхание было рваным, поверхностным. Вокруг него бушевал локальный ураган: ветер срывал листья с мертвого бамбука, мелкие камни подпрыгивали на земле.

— Уйди! — прорычал он, не поднимая головы. Голос был искажен, в нем звучало несколько тонов одновременно, как раскат грома. — Уйди, пока я не сжег тебя дотла!

Я остановилась на безопасном расстоянии. Мой разум мгновенно переключился в режим диагностики.

Наблюдение: Фотофобия (он зажмурился, хотя свет был тусклым). Фонофобия (он вздрагивал от каждого шороха ветра). Тремор конечностей. Дезориентация. Агрессия как реакция на сенсорную перегрузку.

Это не просто «ярость». Это тяжелый неврологический криз.

— Лорд Лэй, — сказала я. Мой голос был тихим, но я использовала технику, которую применяла в реанимации, чтобы пробиться сквозь шум аппаратов. Низкий, ровный тон. — Я не уйду. Но я и не подойду ближе, пока вы не позволите.

Он поднял голову. Его глаза были полностью зелеными, без белков и зрачков. Из уголков глаз текла черная жидкость — не кровь, а сгустки темной энергии. Мигрень. Невыносимая, разрушительная мигрень.

— Ты... ты не боишься? — прохрипел он, и в его голосе прорвалось детское недоумение.

— Мне больно смотреть на то, как вы страдаете, — ответила я честно. — У вас сильнейший приступ. Ваши нервные пути перегружены. Электрические импульсы в вашем мозгу замыкаются сами на себя. Вы чувствуете, как будто ваш череп раскалывается, а кожа горит?

Он замер. Ветер вокруг него немного стих.

— Откуда ты знаешь? — прошептал он.

— Потому что я вижу симптомы, — я сделала осторожный шаг вперед. Разряд статического электричества щелкнул у моего плеча, но я не отшатнулась. — Ваше проклятие — это не просто сила грома. Это постоянная сенсорная перегрузка. Ваша нервная система не имеет фильтра. Вы слышите каждый шорох, видите каждый фотон света, чувствуете каждое изменение магнитного поля. Это сводит вас с ума.

Лорд Лэй медленно опустил руки от висков. Его пальцы дрожали так сильно, что казалось, они вот-вот сломаются.

— Я не могу... остановить это, — признался он, и в его голосе прозвучала такая боль, что мое сердце сжалось. — Я пытаюсь. Я медитирую. Я убиваю тех, кто шумит. Но шум не прекращается. Он внутри.

— Потому что вы пытаетесь подавить его силой, — сказала я, подходя ближе. Теперь я была в эпицентре его ауры. Мелкие разряды кололи мою кожу, как иглы. — А нервную систему нельзя подавить. Ее нужно успокоить. Нужно снизить порог чувствительности.

Я опустилась на колени перед его постаментом.

— Позвольте мне помочь вам. Я не буду использовать магию. Только физиологию.

Он смотрел на меня с подозрением, но боль в его глазах была сильнее страха. Он медленно, с трудом кивнул.

Я поднялась и встала за его спиной. Его плечи были напряжены как стальные канаты. Я положила ладони на его виски. Кожа под моими руками была горячей, пульсирующей.

— Закройте глаза, — тихо скомандовала я. — Представьте темную, тихую комнату. Без звука. Без света. Только темнота.

Я нашла височные артерии. Они бились как молотки. Я начала мягко, но настойчиво надавливать на них, замедляя кровоток, снижая внутричерепное давление. Одновременно я массировала основания черепа, где затылочные нервы выходили из позвоночника.

— Дышите, — инструктировала я. — Медленно. Вдох носом на четыре счета. Выдох ртом на восемь. Выдох должен быть длиннее вдоха. Это активирует парасимпатическую нервную систему. Это сигнал вашему мозгу: опасность миновала.

Лорд Лэй попытался дышать в такт. Сначала у него не получалось, его дыхание сбивалось, перехватывалось спазмами. Но я не отставала. Я шептала счет, мои пальцы находили каждую спазмированную мышцу на его шее, каждую триггерную точку, которая посылала в мозг болевые сигналы.

— Здесь больно? — спросила я, надавливая на точку у основания шеи.

— Да, — простонал он. — Там... как игла.

— Это защемленный нерв. Мы его освободим.

Я работала сорок минут. Мои руки устали, пальцы горели от постоянных микроразрядов, которые посылало его тело. Но постепенно ураган в роще стих. Искры в его волосах погасли. Его дыхание выровнялось.

Когда я наконец убрала руки, Лорд Лэй медленно повернул голову. Его глаза снова стали нормальными — темными, с зелеными вкраплениями. Он выглядел измученным, но живым.

— Тишина, — прошептал он, оглядываясь по сторонам. — Я слышу... тишину.

— Это не тишина, — мягко поправила я. — Это просто отсутствие боли. Ваш мозг перестал кричать.

Он посмотрел на свои руки. Они больше не дрожали.

— Ты... ты украла мой гром? — спросил он с легким ужасом.

— Нет, — улыбнулась я устало. — Я просто выключила шум. Гром остался при вас. Но теперь вы управляете им, а не он вами.

Он медленно встал. Его движения были плавными, лишенными привычной дерганости. Он подошел ко мне и, к моему удивлению, опустился на одно колено, чтобы оказаться на одном уровне со мной.

— Что мне делать взамен? — спросил он тихо. — Обычно за такое просят золото. Или жизни.

— Мне не нужно золото, — ответила я. — Мне нужно, чтобы вы позволили мне составить ваш режим. Никаких громких звуков после заката. Приглушенный свет. И ежедневный массаж шейно-воротниковой зоны. Это не просьба. Это медицинское предписание.

Лорд Лэй усмехнулся. Впервые за, наверное, столетия, его улыбка была не хищной, а искренней, немного смущенной.

— Медицинское предписание, — повторил он. — Никогда еще не получал предписаний от наложницы. Хорошо, Ли Ань. Я буду вашим послушным пациентом.

Когда я вернулась в гарем, мои руки все еще слегка покалывало от остаточного напряжения. Я взяла кисть и открыла второй свиток

Пациент №2: Лорд Лэй (Восток, Гром)

Анамнез: Постоянное воздействие электромагнитных полей. Неврологическая травма, полученная в момент наложения проклятия.

Симптомы:

1. Тяжелая неврологическая перегрузка. Отсутствие сенсорных фильтров.

2. Хронические мигрени с аурой. Повышенное внутричерепное давление.

3. Тремор, мышечные спазмы, нарушение моторики из-за хаотичной иннервации.

4. Психологическая нестабильность, вспышки агрессии как защитная реакция на сенсорную боль.

Психологический статус: Страх перед собственным разумом. Ощущение потери контроля. Глубокое одиночество, так как любой физический контакт причиняет ему и партнеру боль (удары током).

Заключение: Лорд Лэй — это ходячий эпицентр эпилептического припадка, который никогда не заканчивается. Его «ярость» — это крик перегруженной нервной системы. Лечение требует не подавления силы, а создания «заземления» и снижения сенсорного шума.

На следующий день меня вызвали к Лорду Янь.

Южный Павильон был построен внутри кратера потухшего вулкана. Воздух здесь был настолько горячим и сухим, что я почувствовала, как влага мгновенно испаряется с моих губ и глаз. Дышать было тяжело, словно я вдохнула раскаленный песок.

Лорд Янь лежал на широком каменном ложе, покрытом шкурами огненных саламандр. Он был обнажен по пояс. Его кожа, обычно покрытая светящимися татуировками, сейчас выглядела тусклой, пепельно-серой. Он пил воду из огромного нефритового кувшина, но вода шипела и испарялась, едва касаясь его губ.

— Ты опоздала, — прохрипел он. Его голос был похож на треск горящих углей. — Я ждал. Я голоден.

Он сел, и я увидела, как его руки дрожат. Не от ярости, как у Лэя. От слабости.

Я подошла ближе, стараясь не вдыхать глубоко. Жара была невыносимой. Мой пульс участился, кожа покрылась липким потом, который тут же высыхал.

Наблюдение: Тахикардия (у него и у меня). Гипертермия. Сухость слизистых. Тусклый цвет кожи. Апатия, сменяющаяся резкими вспышками раздражительности.

— Вы не голодны, Лорд Янь, — сказала я, останавливаясь в нескольких шагах от него. — Вы истощены.

Он нахмурился, его горящие глаза сузились.

— Что ты несешь? Я демон огня. Мой голод вечен. Мне нужна твоя энергия, чтобы поддерживать пламя.

— Ваше пламя пожирает вас самого, — возразила я, подходя ближе. Я рискнула и положила тыльную сторону ладони на его лоб. Кожа была обжигающей, сухой, как раскаленный камень. — У вас метаболический пожар. Ваша базальная температура тела превышает норму в три раза. Ваши клетки обезвожены. Вы сгораете изнутри.

Янь замер, чувствуя прохладу моей руки. Он инстинктивно прижался щекой к моей ладони, как умирающий от жажды путник к роднику.

— Мне... больно, — прошептал он, и в его голосе не было привычной угрозы. — Внутри... все горит. Я пью воду, но она не доходит. Я беру энергию, но она сгорает, не давая сытости.

— Потому что вы пытаетесь тушить пожар бензином, — объяснила я мягко. — Чужая жизненная энергия слишком плотная. Она дает вспышку, но не увлажняет ткани. Вам нужно не поглощение. Вам нужно охлаждение и гидратация на клеточном уровне.

Я огляделась. В углу стояла огромная чаша с водой, предназначенная для омовения. Но вода в ней кипела.

— Ли Вэй говорила, что в вашем павильоне есть ледяные источники в нижних пещерах, — сказала я. — Принесите мне лед. И травы. Мяту, мелиссу, корень лотоса. Все, что растет в тени и впитывает влагу.

Янь посмотрел на меня с недоверием.

— Ты приказываешь мне? В моем доме?

— Я лечу вас, — твердо ответила я. — А в операционной главный тот, кто знает, как спасти пациента. Доверьтесь мне. Или продолжайте умирать от жажды в окружении огня.

Он молчал долго. Затем медленно кивнул.

Через час служанки притащили огромные глыбы льда из нижних пещер и корзины с травами. Я растопила лед, добавила измельченные травы и смочила в этой воде тонкие шелковые полотна.

— Лягте, — скомандовала я.

Янь послушно лег на спину. Я начала обкладывать его тело влажными, прохладными тканями. Шея, подмышки, пах, локтевые сгибы — места, где проходят крупные артерии. Охлаждая кровь в этих зонах, я могла снизить общую температуру тела.

Затем я взяла кисть и начала наносить на его кожу кашицу из мяты и корня лотоса. Ментол и природные алкалоиды создавали эффект химического охлаждения, обманывая терморецепторы.

— Дышите, — инструктировала я, массируя его грудную клетку, помогая легким расшириться в горячем воздухе. — Глубоко. Медленно.

Янь закрыл глаза. Его дыхание, до этого частое и поверхностное, начало замедляться. Тусклые татуировки на его коже начали светиться ровным, золотистым светом, вместо прежнего агрессивного красного.

— Прохладно, — прошептал он. — Впервые... так прохладно.

— Ваше тело забыло, как удерживать влагу, — объяснила я, продолжая массаж. — Мы научим его заново.

Когда я закончила, он открыл глаза. Они больше не были раскаленными углями. Они светились мягким, теплым янтарем. Он выглядел так, будто с него сняли тонну камней.

— Ты не дала мне своей энергии, — заметил он, садясь и глядя на свои руки, которые больше не дрожали. — Но я чувствую себя сытым.

— Потому что я дала вам то, чего вам не хватало на самом деле, — ответила я. — Не силу. А покой.

Вернувшись в свою комнату, я с трудом держала кисть. Жара Южного Павильона высосала из меня все соки. Но я заставила себя открыть третий свиток.

Пациент №3: Лорд Янь (Юг, Огонь)

Анамнез: Постоянное воздействие экстремально высоких температур. Нарушение терморегуляции.

Симптомы:

1. Гиперметаболизм. Ускоренное сжигание калорий и клеточных ресурсов.

2. Хроническое обезвоживание на клеточном уровне. Ксероз (сухость) кожи и слизистых.

3. Системное воспаление. Постоянная лихорадка.

4. Психологическая зависимость от внешнего источника «охлаждения» (энергии жертв), что приводит к компульсивному поведению (ненасытный голод).

Психологический статус: Ощущение вечного голода и неудовлетворенности. Страх перед угасанием. Агрессия как способ добыть ресурс.

Заключение: Лорд Янь — это двигатель, работающий на пределе возможностей без системы охлаждения. Он сжигает сам себя. Его «страсть» и «жестокость» — это симптомы метаболического кризиса. Лечение требует не подавления огня, а создания системы терморегуляции и гидратации.

Четвертый вызов пришел через два дня. Лорд Ши.

Западный Павильон был высечен прямо в скале. Здесь не было окон. Воздух был тяжелым, спертым, пахнущим сырой землей и камнем. Света почти не было, только тусклое свечение светлячков в стеклянных банках.

Лорд Ши сидел в центре зала. Он не двигался. Совсем.

Я подошла ближе. Он сидел в позе лотоса, его руки лежали на коленях. Его кожа была серой, местами переходя в настоящий гранит. На его щеке застыла капля воды, но он не моргнул, чтобы ее стряхнуть.

— Лорд Ши? — тихо позвала я.

Никакой реакции. Только медленное, глубокое дыхание, которое поднимало его каменную грудь раз в десять секунд.

Наблюдение: Брадикардия (крайне редкий пульс). Гипотония. Ограничение подвижности суставов. Снижение тактильной чувствительности. Апатия.

Я осторожно коснулась его руки. Кожа была холодной, твердой, как настоящий камень. Я ущипнула его предплечье. Он не дернулся.

Диагноз: Это не просто «спокойствие». Это тяжелая степень фиброза. Его мягкие ткани постепенно заменяются соединительной, а затем и костной/каменной тканью. Периферическая нейропатия — потеря чувствительности. Он медленно превращается в статую.

— Лорд Ши, — сказала я громче, беря его лицо в свои ладони. — Посмотрите на меня.

Его веки медленно, со скрипом, поднялись. Его глаза были мутными, серыми, как туман над горным озером.

— Ты... — прохрипел он. Звук был таким низким, что я почувствовала его вибрацию в грудной клетке. — Зачем... ты здесь? Я... не чувствую... тебя.

— Вы не чувствуете меня, потому что ваши нервы спят, — сказала я, глядя в его мутные глаза. — Ваше тело окаменевает. Вы теряете связь с миром.

— Это... цена... силы, — медленно произнес он. — Земля... забирает... свое.

— Земля не забирает. Ваше тело просто перестало обновлять клетки, — возразила я. — Кровообращение замедлилось. Нервные импульсы не проходят. Вы думаете, что умираете, но на самом деле вы просто застряли.

Я встала перед ним.

— Встаньте, — скомандовала я.

— Не могу, — ответил он. — Тяжело.

— Я помогу.

Я подставила плечо под его руку и, упираясь ногами в пол, помогла ему встать. Он весил невероятно много, словно его плотность была в три раза выше человеческой. Когда он встал, то покачнулся.

— Идемте, — сказала я, поддерживая его. — Нам нужно движение. Кровь должна течь.

Я привела его в центр зала, где пол был выложен гладким камнем.

— Снимите обувь, — попросила я.

Он медленно, с трудом наклонился и стянул тяжелые кожаные сапоги. Его ступни были серыми, жесткими.

— Ходите, — сказала я. — Просто ходите по кругу.

Он сделал шаг. Его нога ударилась о камень с глухим стуком. Он поморщился.

— Больно, — прошептал он.

— Это хорошо, — улыбнулась я. — Боль означает, что нервы живы. Они просыпаются. Продолжайте.

Я ходила вместе с ним, поддерживая, когда он терял равновесие. С каждым шагом его дыхание становилось чуть чаще. Серый цвет кожи на лице начал уступать место легкому румянцу.

— Теперь массаж, — сказала я, когда он устал и снова сел.

Я использовала жесткие щетки из бамбука, растирая его руки, ноги, спину. Я использовала технику перкуссии (постукивания), чтобы создать вибрацию, которая проникала глубоко в мышцы, стимулируя кровообращение там, где обычный массаж не доставал.

Я работала до тех пор, пока мои руки не начали болеть от ударов о его каменную кожу. Но постепенно, под моими руками, камень начинал сдаваться. Кожа становилась мягче. Появлялась эластичность.

Когда я закончила, Лорд Ши поднял руку и посмотрел на нее. Он медленно согнул пальцы. Суставы хрустнули, но это был здоровый хруст.

— Я чувствую, — прошептал он, глядя на свои ладони. — Воздух... он холодный. Камень... он твердый. Ты... ты мягкая.

Он поднял на меня глаза. В них больше не было тумана. Они были ясными, темными, как плодородная земля.

— Спасибо, — сказал он. Это было одно слово, но в нем было больше веса, чем во всех речах, которые я слышала от других демонов.

Пациент №4: Лорд Ши (Запад, Земля)

Анамнез: Слияние с геологическими структурами. Нарушение клеточного обновления.

Симптомы:

1. Системный фиброз и кальцификация мягких тканей. Постепенное окаменение.

2. Тяжелая периферическая нейропатия. Потеря тактильной, болевой и температурной чувствительности.

3. Брадикардия, гиподинамия. Замедление всех физиологических процессов до критического минимума.

4. Психологическая апатия, принятие неизбежности «окаменения» как судьбы.

Психологический статус: Ощущение тяжести, усталости от бытия. Потеря интереса к жизни из-за невозможности чувствовать мир.

Заключение: Лорд Ши не «медлителен» и не «равнодушен». Он задыхается в собственном теле, которое превращается в тюрьму. Его молчание — это не мудрость, это результат того, что для движения челюстью требуется слишком много усилий. Лечение требует агрессивной стимуляции кровообращения, вибрационной терапии и постоянного принуждения к движению.

Оставался последний. Лорд Ю.

Центральный Павильон. Лабиринт Теней.

Когда меня привели туда, я поняла, что это самое опасное место из всех. Здесь не было физической боли, как у Хань, Лэя, Янь или Ши. Здесь не было ни жары, ни холода, ни тяжести.

Здесь не было ничего.

Комната была огромной, но ее стены постоянно менялись. Зеркала отражали не меня, а мои страхи. Тени ползли по полу, шепча на языке, который я не понимала, но который вызывал тошноту.

Лорд Ю сидел в центре комнаты. Он выглядел совершенно нормально. Изящный, красивый, в черных и фиолетовых шелках. Но когда он посмотрел на меня, у меня внутри все похолодело.

В его взгляде не было узнавания. Не было интереса. Не было ничего.

— Кто вы? — спросил он. Голос был мягким, вежливым, абсолютно пустым.

Наблюдение: Дезориентация во времени и пространстве. Неспособность узнавать знакомые лица. Эмоциональная плоскость. Галлюцинации (он разговаривал с тенями, которых я не видела, или видел то, чего не было).

Диагноз: Тяжелое диссоциативное расстройство. Деперсонализация и дереализация. Амнезия. Его разум, не выдержав давления тьмы, раздробился на части, чтобы защитить ядро личности. Но ядро было погребено так глубоко, что он забыл, кто он такой.

— Я Ли Ань, — сказала я, стараясь говорить максимально четко и просто. — Ваша невеста.

— Невеста, — повторил он, как эхо. — Да. Мне сказали, что придет невеста. Но я не помню... зачем она мне. Я не помню... зачем я здесь.

Он обхватил голову руками.

— Где я? — прошептал он, и в его голосе впервые прозвучал детский ужас. — Кто я? Почему вокруг так темно?

Тени вокруг него сгустились, реагируя на его панику. Они начали подниматься, образуя уродливые фигуры.

— Лорд Ю, посмотрите на меня! — скомандовала я, повышая голос, чтобы пробиться сквозь шум его разума.

Он поднял глаза. В них была пустота.

— Я не Лорд Ю, — прошептал он. — Лорд Ю... он злой. Он сделал много плохого. Я не хочу быть им. Я хочу уйти.

Он начинал диссоциировать. Уходить в себя, чтобы спрятаться от боли воспоминаний.

— Нет, — твердо сказала я, подходя к нему. Я игнорировала тени, которые пытались схватить меня за ноги. Я сфокусировалась только на нем. — Вы не уйдете. Вы останетесь здесь. Со мной.

Я опустилась перед ним на колени и взяла его руки. Они были ледяными и дрожали.

— Послушайте меня, — сказала я, используя технику заземления «5-4-3-2-1». — Назовите мне пять вещей, которые вы видите прямо сейчас. Не вспоминайте. Смотрите и называйте.

Он растерянно моргнул.

— Я... я не...

— Пять вещей, — настаивала я, сжимая его руки. — Прямо сейчас. В этой комнате.

— Тени, — прошептал он.

— Хорошо. Тени — это одно. Что еще?

— Зеркала, — сказал он, глядя на стену.

— Три.

— Вы, — он посмотрел на меня. — Ваше красное платье.

— Четыре. И пятая?

Он огляделся. Его взгляд упал на пол.

— Камень. Черный камень под ногами.

— Отлично, — выдохнула я. — Теперь четыре вещи, которые вы можете потрогать. Прямо сейчас.

— Ваши руки, — он сжал мои пальцы. — Они теплые. Моя одежда. Шелк. Камень... он холодный. И... и мои волосы.

— Три вещи, которые вы слышите, — продолжила я, видя, как тени вокруг нас начинают отступать, теряя силу, как только он возвращается в реальность.

— Ваш голос, — сказал он. — Мое дыхание. И... тишину.

— Две вещи, которые вы можете понюхать.

— Сандал, — он вдохнул. — И... дождь. Где-то пахнет дождем.

— И одна вещь, которую вы можете попробовать на вкус.

Он облизнул пересохшие губы.

— Пыль, — прошептал он. — Вкус пыли.

Я улыбнулась. Тени полностью исчезли. Комната стала обычной комнатой с зеркалами. Лорд Ю сидел передо мной, и в его глазах больше не было пустоты. Там был страх, растерянность, но он был “здесь”. Он был в реальности.

— Кто вы? — спросил он тихо.

— Я Алиса, — сказала я. — Но здесь меня зовут Ли Ань. Я врач. И я здесь, чтобы помочь вам собрать себя по кусочкам.

Он посмотрел на наши сплетенные руки.

— Я боюсь, — признался он. — Я боюсь уснуть. Когда я сплю, я забываю, кто я. А когда просыпаюсь, я не знаю, кто я.

— Тогда мы не будем спать, — сказала я. — Мы будем говорить. Вы будете рассказывать мне все, что помните. А я буду записывать. Мы построим мост из ваших воспоминаний. И вы не потеряетесь.

Он кивнул, и первая настоящая слеза скатилась по его бледной щеке.

Пациент №5: Лорд Ю (Центр, Тьма)

Анамнез: Слияние с измерением теней. Психологическая травма, полученная в момент проклятия.

Симптомы:

1. Тяжелое диссоциативное расстройство. Фрагментация личности.

2. Ретроградная амнезия. Потеря автобиографической памяти.

3. Деперсонализация и дереализация. Ощущение нереальности себя и окружающего мира.

4. Галлюцинации, вызванные проекцией подсознательных страхов во внешний мир (тени).

Психологический статус: Глубокий экзистенциальный ужас. Потеря идентичности. Страх перед собственным разумом. Манипулятивное поведение как защитный механизм (контроль над другими, чтобы компенсировать потерю контроля над собой).

Заключение: Лорд Ю не «манипулятор» и не «хитрец». Он человек, чей разум раскололся, чтобы выжить. Его тьма — это не зло, это бездна, в которую он падает каждый раз, когда закрывает глаза. Лечение требует постоянной когнитивной терапии, техник заземления и создания внешнего «якоря» реальности.

Я сидела на полу своей комнаты в Гареме. Вокруг меня лежали пять длинных свитков, исписанных мелким, четким почерком.

Ли Вэй сидела рядом, глядя на свитки с благоговейным ужасом.

— Вы... вы изучили их всех, — прошептала она. — За одну неделю. Вы были у каждого из них. И вы... вы живы.

— Я не просто жива, Ли Вэй, — сказала я, собирая свитки в аккуратную стопку. — Я поняла их.

Я посмотрела на свои руки. Они были уставшими, покрытыми мелкими царапинами от разрядов Лэя, ожогами от жара Янь, ссадинами от камня Ши. Но они не дрожали.

— Они не монстры, — тихо сказала я, глядя на старшую наложницу. — Люди думают, что демоны жестоки, потому что они злы. Потому что они любят причинять боль. Но это не так.

Я указала на свитки.

— Лорд Хань жесток, потому что он замерзает и его суставы горят огнем боли. Лорд Лэй убивает, потому что его мозг кричит от перегрузки, и он не может вынести ни одного лишнего звука. Лорд Янь высасывает жизни, потому что он сгорает заживо и пытается найти хоть каплю воды. Лорд Ши безразличен к страданиям, потому что он сам превращается в камень и перестает чувствовать. А Лорд Ю играет в игры, потому что он забыл, кто он такой, и пытается найти себя в отражениях чужих страхов.

Ли Вэй молчала, переваривая мои слова.

— Их жестокость, — продолжила я, и мой голос стал твердым, как сталь скальпеля, — это не их природа. Это симптом. Это крик о помощи, который они сами не понимают. Они больны. Смертельно, хронически, магически больны.

Я встала. Внутри меня больше не было страха. Была только холодная, ясная решимость хирурга, который видит сложную, но излечимую патологию.

— Я не наложница, Ли Вэй, — сказала я, глядя в глаза старшей женщине. — И я не жертва. Я главный врач этого отделения. И у меня есть план лечения.

— План? — эхом отозвалась Ли Вэй. — Госпожа, они убьют вас, если узнают, что вы пытаетесь их «лечить». Они демоны.

— Демоны, которые только что позволили мне снять их боль, — поправила я. — Хань спал без кошмаров. Лэй услышал тишину. Янь напился воды. Ши почувствовал камень. Ю вспомнил свое имя.

Я подошла к окну и посмотрела на мрачные пики гор.

— Они дадут мне все, что я попрошу, Ли Вэй. Потому что я единственная, кто предлагает им не смерть в обмен на энергию, а жизнь в обмен на доверие.

Я обернулась к ней.

— Мне нужно ваше полное подчинение, Ли Вэй. Не как наложницы. Как моей старшей медсестры. Мы будем готовить отвары. Мы будем шить специальную одежду. Мы будем менять их режим. Мы будем лечить их всех. По очереди. И вместе.

Ли Вэй смотрела на меня долго. Затем она медленно, с глубоким, почтительным поклоном, опустила голову.

— Я к вашим услугам, Доктор, — прошептала она.

Я улыбнулась.

Моя медицинская карта демонов была готова. Диагнозы поставлены.

Теперь начиналось настоящее лечение.

Глава 6. Гром в голове Лорда Лэя

Ночь в Гареме Нефритовой Пагоды обычно была тихой, но в этот раз воздух изменился.

Я сидела за низким столиком, разбирая пучки сушеной мяты и корня лотоса, которые Ли Вэй тайком принесла из кладовых. Внезапно волоски на моих руках встали дыбом. Запах озона, резкий и металлический, ударил в нос, перебивая аромат трав. Бумажный фонарь над головой замигал, а стеклянная баночка с водой на столе покрылась мелкими трещинами.

— Госпожа, — прошептала Ли Вэй, бледнея. — Это... это он.

Дверь моей комнаты не открылась. Она взорвалась.

Деревянные створки разлетелись в щепки, ударившись о стены. На пороге, окутанный клубами пара и мерцающими зелеными разрядами, стоял Лорд Лэй.

Он выглядел ужасно. Его черные волосы разметались, в них плясали молнии. Одежда была расстегнута, обнажая грудь, по которой пробегали синие вены, светящиеся изнутри. Он сжимал голову обеими руками, его пальцы впивались в виски так сильно, что, казалось, вот-вот проломят череп. Вокруг него бушевал невидимый ураган: циновки на полу вздымались, мелкие осколки двери парили в воздухе.

— Уйди! — прорычал он. Голос был искажен, в нем звучало несколько тонов одновременно, как раскат грома перед грозой. — Уйди, пока я не убил тебя! Я не контролирую... это!

Ли Вэй сжалась в углу, закрыв лицо руками.

Я медленно встала. Мое сердце колотилось, но разум уже переключился в холодный, аналитический режим.

“Кластерная мигрень с сенсорной аурой. Пик болевого синдрома. Неврологический шторм.”

— Лорд Лэй, — сказала я. Мой голос был тихим, но я вложила в него ту самую низкую, вибрирующую ноту, которую используют анестезиологи, чтобы успокоить пациента перед вводом наркоза. — Посмотрите на меня.

— Не подходи! — Он сделал шаг вперед, и зеленый разряд ударил в пол у моих ног, оставив на камне обугленную борозду. — Мой разум... он горит. Я чувствую каждый камень в стене, каждый вздох служанки в соседнем крыле. Это слишком громко! Слишком ярко!

Он упал на колени, издав сдавленный, животный стон. Из уголков его глаз снова потекла черная жидкость.

Я не отшатнулась. Я шагнула вперед, прямо в эпицентр его бури. Воздух вокруг него был плотным, колючим. Мелкие разряды статического электричества кололи мою кожу, как тысячи крошечных игл. Но я продолжала идти, пока не оказалась прямо перед ним.

— Я здесь, — сказала я, опускаясь на колени напротив него. — Я не уйду. Но вы должны позволить мне помочь вам.

Он поднял голову. Его глаза были полностью зелеными, безумными от боли.

— Помочь? — прохрипел он. — Ты не можешь... остановить гром.

— Я не буду останавливать гром, — ответила я, протягивая руки. — Я просто заземлю вас.

Я коснулась его висков.

Он вздрогнул всем телом, ожидая, что я отстранюсь от боли. Но я нашла точки “тайян” — впадины у внешних краев бровей — и надавила. Твердо. Уверенно.

Лэй вскрикнул, но я не убрала руки. Мои пальцы скользнули к основанию черепа, к точкам “фэнчи”, где затылочные нервы выходили из позвоночника. Я массировала их круговыми движениями, одновременно большим пальцем надавливая на точку между его бровями.

— Дышите, — шептала я, глядя прямо в его безумные глаза. — Вдох... раз, два, три. Выдох... раз, два, три, четыре, пять. Сбрасывайте напряжение. Отдавайте его мне.

Сначала его тело сопротивлялось. Мышцы шеи были твердыми как сталь. Разряды били меня в ладони, оставляя легкие ожоги. Но я не отводила взгляд. Я была его якорем. Единственной стабильной точкой в хаосе его перегруженного разума.

— Тише, — шептала я. — Шум стихает. Боль уходит. Вы в безопасности.

И постепенно, под моими руками, шторм начал утихать. Зеленые искры в его волосах погасли. Дыхание, до этого рваное и хриплое, выровнялось. Черная жидкость перестала течь из глаз.

Он медленно открыл глаза. Зеленый цвет отступил, вернув им темную, почти черную глубину. Он смотрел на меня, тяжело дыша, и в его взгляде было чистое, незамутненное потрясение.

— Больно? — спросила я, убирая руки.

— Нет, — прошептал он. Он медленно опустил руки от головы. — Нет боли. Только... тишина.

Он смотрел на свои ладони, затем на меня. И в этот момент я почувствовала, как меняется атмосфера. Боль ушла, но напряжение в его теле не исчезло. Оно трансформировалось. Статическое электричество, которое копилось в его теле часами, требовало выхода. Ему нужно было разрядиться.

Лэй медленно поднял взгляд. В его глазах больше не было безумия. Там был голод. Но не тот хищный, животный голод, с которым демоны набрасывались на наложниц. Это был голод утоления. Жажда.

— Мне нужно... — его голос изменился, стал ниже, стал более хриплым. — Мне нужно коснуться тебя. По-настоящему.

Он не спросил разрешения. Он просто потянулся и обхватил мою талию.

Когда его кожа коснулась моей, между нами проскочила яркая искра. Но это не было больно. Это было похоже на легкий, щекочущий разряд, который прошел по моим нервам, заставляя их вибрировать.

— Заземли меня, — прошептал он, прижимая мой лоб к своему. — Пожалуйста.

Я обвила руками его шею. Его кожа горела, пульсируя электричеством.

— Хорошо, — выдохнула я.

Он поцеловал меня. Это не был нежный поцелуй, как с Хань. Это был поцелуй-ураган. Жадный, глубокий, требовательный. Его язык вторгся в мой рот, и я почувствовала легкий, приятный ток, пробежавший по языку. Мои нервы, перегруженные его магией, вспыхнули.

Он поднял меня на руки, не разрывая поцелуя, и прижал к стене. Его руки скользили по моему телу, и каждый раз, когда его пальцы касались моей кожи, между нами вспыхивали крошечные молнии. Они не обжигали. Они стимулировали. Каждая искра была микроскопическим ударом тока, который заставлял мои мышцы сокращаться, а кожу покрываться мурашками.

— Ты чувствуешь это? — прорычал он мне в губы, его дыхание было горячим, пахнущим грозой и дождем. — Это я. Вся моя сила. Она хочет выйти.

— Я чувствую, — простонала я, когда его рука скользнула под слои моего шелкового халата, касаясь обнаженной кожи бедра. Очередная искра ударила куда-то вниз живота, и я выгнулась, теряя голову. — Не сдерживайся. Отдай мне всё.

Он сорвал с меня халат. Шелк упал на пол. Его глаза расширились, глядя на мое обнаженное тело в полумраке комнаты. В его взгляде было благоговение.

Он опустил меня на кровать. Его прикосновения были электрическими. Он исследовал мое тело губами и руками, и каждый поцелуй, каждое касание оставляло на моей коже легкое, приятное покалывание. Мои нервы были на пределе, гиперстимулированные его магией. Я чувствовала всё в десять раз острее. Каждый шорох, каждый вздох, каждое движение его мышц.

— Ли Ань, — прошептал он мое имя на выдохе.

Когда он вошел в меня, я вскрикнула. Это было похоже на удар молнии, но не разрушительный, а созидательный. Он заполнил меня собой, своей бурей, своим громом. Я чувствовала, как его статическое электричество перетекает в меня, проходя через каждую клетку моего тела, заземляясь через мою плоть.

Он двигался глубоко, резко, но при этом бесконечно бережно. Он боялся сломать меня, боялся, что его сила причинит мне вред. Но я держала его крепко, принимая каждый разряд, каждый всплеск его энергии.

— Смотри на меня, — скомандовала я, когда его дыхание начало сбиваться. — Смотри, на меня, когда я даю тебе себя. Всю без остатка.

Он открыл глаза. Его зрачки были расширены. Он смотрел на меня, и я видела, как в его душе происходит перелом. Он привык брать. Привык высасывать жизнь из женщин, чтобы заглушить свою боль. Но сейчас он не брал. Он отдавал. И я принимала это, превращая его разрушительную силу в чистое, первобытное удовольствие.

Мое тело сжималось вокруг него. Электрическая стимуляция моих нервов довела меня до края быстрее, чем я ожидала. Волна нарастала, мощная и неотвратимая.

— Лэй... — простонала я, чувствуя, как оргазм подступает к горлу. — Я сейчас...

— Да, — выдохнул он, прижимаясь лбом к моему лбу. — Отдай мне это. Отдай всё.

Я кончила.

Это был не просто физический оргазм. Это был взрыв. Моя энергия, вырвалась из меня не тонкой струйкой, а мощным, пульсирующим потоком. Я чувствовала, как мое тело содрогается в его объятиях, и вместе с волной удовольствия я отдавала ему свою жизненную силу. Добровольно. Щедро. Без остатка.

Лэй застыл. Его глаза широко раскрылись. Он впитывал эту энергию, как умирающий от жажды путник впитывает прохладную воду. Он чувствовал, как моя сила заполняет пустоту внутри него, не обжигая, не переполняя, а исцеляя. Он получал то, что всегда забирал силой, но в тысячу раз чище, сильнее и прекраснее.

Он кончил вслед за мной, издав глубокий, вибрирующий стон, который отдался в самой глубине моей груди. Его тело напряглось, и последний, мощный разряд прошел между нами, оставляя после себя идеальную, звенящую тишину.

Он рухнул на меня, тяжело дыша. Его сердце билось в унисон с моим.

Мы лежали в сплетении рук и ног, среди помятых простыней. Воздух в комнате больше не пах озоном. Он пах дождем, мятой и нами.

Я гладила его по мокрым от пота волосам. Разрядов больше не было. Его аура была спокойной, ровной, темно-зеленой.

Прошло несколько минут, прежде чем он поднял голову. Он опирался на локоть, глядя на меня сверху вниз. В полумраке его лицо казалось высеченным из мрамора, но в глазах плескался живой, человеческий шторм.

Он смотрел на меня как на лекарство. Как на единственное спасение в его бесконечной, шумной тьме.

И вдруг я увидела в его взгляде нечто новое. То, чего я не ожидала увидеть у Повелителя Грома.

Страх.

Не страх перед моей магией или силой. А страх перед моим влиянием. Он вдруг осознал, что я держу в своих руках ключ к его рассудку. Что я могу дать ему тишину, а могу вернуть ад. Что я могу насытить его, а могу оставить голодным.

Он, древний демон, повелитель стихии, который веками внушал ужас всей Империи, сейчас боялся хрупкой женщины-хирурга, лежащей под ним.

— Ты... — его голос был хриплым, неуверенным. Он медленно, почти боязненно коснулся моей щеки. На этот раз искры не было. Только тепло. — Ты можешь уничтожить меня. Ты знаешь это?

Я накрыла его руку своей ладонью.

— Я знаю, — тихо ответила я. — Но я здесь не для того, чтобы уничтожать. Я здесь, чтобы помочь.

Он медленно выдохнул, и в его глазах мелькнуло облегчение, смешанное с чем-то, что очень походило на зарождающуюся, пугающую его самого привязанность. Он прижался щекой к моей ладони, закрывая глаза.

— Тогда помоги мне, — прошептал он в мою кожу. — Помогай мне всю жизнь.

Я улыбнулась, глядя в потолок, где бумажный фонарь теперь горел ровным, спокойным светом.

Один пациент стабилизирован. Осталось четверо. И я знала, что каждый из них, в свой час, точно так же посмотрит на меня с этим смесью благоговения и страха.

Но пока что, в этой тихой комнате, пахнущей грозой и мятой, я просто обнимала своего демона и чувствовала, как его сердце бьется ровно и спокойно.

Глава 7. Тайна Библиотеки Теней

Запах озона и мяты я принесла вместе с собой в свою комнату в гареме. Ли Вэй, привыкшая к моему отсутствию по ночам, молча помогла мне переодеться, бросая на меня быстрые, оценивающие взгляды. Она видела, как изменилась моя походка, как исчезла та напряженная скованность, которая была моим постоянным спутником с момента моего попадания в гарем и нашего с ней знакомства. Но она также видела темные круги под моими глазами и легкую дрожь в пальцах.

Я села за низкий столик, где лежали пять моих свитков — медицинские карты моих пациентов. Мои демоны. Мои мучители. Мои подопечные.

Я взяла кисть, обмакнула ее в тушь и посмотрела на иероглиф, обозначающий Лорда Лэя. Я только что стабилизировала его нервную систему. Я научила его заземлять статическое электричество через физическую близость. Я дала ему тишину.

Но как хирург, я знала одно незыблемое правило: паллиативная помощь — это не лечение.

Я могла снимать симптомы. Я могла купировать болевые приступы, регулировать температуру, стимулировать кровообращение и возвращать рассеянное сознание. Но я не устраняла этиологию заболевания. Я не знала патогенеза. Я не знала, “почему” их тела и души были сломаны именно так. Пока я не пойму первопричину, их состояние будет лишь временно улучшаться, а затем неизбежно ухудшаться. Рано или поздно их проклятие адаптируется к моему «лечению», и я стану просто еще одной наложницей, чья энергия уйдет на поддержание их угасающего существования.

Мне нужна была не симптоматическая терапия. Мне нужна была радикальная операция. Мне нужно было найти корень болезни.

Я отложила кисть. Ответа не было в моих медицинских записях. Ответ не был в травах Ли Вэй и не был в технике акупрессуры. Ответ был в истории. В том, что произошло пятьсот лет назад, когда пятеро мужчин перестали быть людьми и стали стихиями.

Мне нужно было попасть в Архивы. В Библиотеку Теней.

Дворец спал, но сон его был обманчив. А вот ночью Нефритовый Дворец оживал. Тени, которые днем были просто отсутствием света, ночью обретали плотность и медленно перетекали по стенам, словно ртуть. Воздух становился гуще, насыщаясь остаточной магией, которую Повелители неосознанно выделяли во сне.

Я ждала, пока луна не достигнет зенита. Мои оковы на запястьях пульсировали медленно, в такт моему замедленному дыханию. Я использовала технику, которую подсказал мне сам Лорд Ю во время нашего последнего сеанса заземления: «Чтобы стать невидимым для теней, нужно перестать отбрасывать свет. Убери свое «я» в тень».

Я закрыла глаза и мысленно «выключила» свои эмоции. Страх, решимость, любопытство — всё это создавало энергетический след, который могли почувствовать стражники и магические ловушки. Я превратила свой разум в чистый, пустой лист. Я стала наблюдателем, а не участником.

Когда я открыла глаза, мое отражение в темном стекле окна казалось размытым. Я скользнула к двери. Ли Вэй спала на циновке у входа, ее дыхание было ровным. Я перешагнула через нее, не издав ни звука.

Коридоры гарема были пустынны. Стражники в фарфоровых масках стояли у выходов, но я не шла к выходам. Я шла вглубь. К Центральному Павильону.

Библиотека Теней находилась в самом сердце дворца, под Тронным Залом Пяти Теней. Это было место, куда не ступала нога ни одной наложницы. Говорили, что там хранятся не просто книги, а сами воспоминания Империи, записанные на свитках из духа и тени.

По мере того как я спускалась по винтовой лестнице, выточенной в цельной скале, температура воздуха падала. Здесь не было ни холода Хань, ни жара Янь. Здесь был абсолютный, стерильный ноль. Тишина была такой плотной, что я слышала, как кровь течет по моим венам.

Наконец, я оказалась перед огромными дверями из черного дерева, инкрустированного серебром. Но это были не обычные двери. Они не имели ручек. Вся поверхность была покрыта сложнейшими магическими печатями, которые светились тусклым фиолетовым светом.

Я подошла ближе. Печати реагировали на мое присутствие. Фиолетовый свет вспыхнул ярче, и я почувствовала, как невидимая стена давления ударила мне в грудь. Это был защитный барьер. Он сканировал мою ауру, ища чужеродные элементы.

Я глубоко вдохнула. У меня не было ключа. У меня не было разрешения. Но у меня было кое-что другое.

Я подняла руки и прижала ладони к холодному дереву.

Тук-тук. Вспышка. Тук-тук. Вспышка.

Оковы на моих запястьях отозвались. Но на этот раз я не подавляла их пульсацию. Я позволила ей усилиться. Я сосредоточилась на пяти точках боли внутри своего тела: лоб, грудь, плечо, спина, шея. Я мысленно потянула за невидимые нити, связывающие меня с Повелителями.

Хань. Лэй. Янь. Ши. Ю.

Я не просила их помощи. Я просто напоминала барьеру: “Я не чужая. Я — сосуд. Я — часть вас. Я ношу ваши печати. Я — ваша Невеста Стихий.

Магический сканер замер. Фиолетовый свет начал менять оттенок, переходя от агрессивного фиолетового к спокойному, мерцающему серебру. Барьер узнал резонанс печатей. Он почувствовал во мне эхо своих хозяев.

С тяжелым, глухим гулом двери дрогнули и медленно распахнулись, впуская меня внутрь.

Библиотека Теней не походила ни на одно хранилище знаний, которые я видела в своей прошлой жизни. Здесь не было стеллажей с книгами.

Огромный круглый зал был заполнен тысячами светящихся сфер, парящих в воздухе на разной высоте. Они были разных размеров и цветов: тускло-серые, ярко-красные, мерцающие зеленые. Внутри каждой сферы, словно мухи в янтаре, застыли крошечные иероглифы, изображения, фрагменты звуков. Это были кристаллизованные знания.

Посреди зала, на низком постаменте из черного обсидиана, лежал единственный физический объект. Длинный свиток, запечатанный в тубусе из кости какого-то древнего зверя. Вокруг тубуса вился слабый, но отчетливый ореол золотого света.

Мое сердце пропустило удар. Интуиция хирурга, привыкшая находить опухоль среди здоровых тканей, безошибочно указала на цель. Это было оно. Ядро патологии.

Я подошла к постаменту. Воздух вокруг тубуса вибрировал. Я осторожно, стараясь не нарушить магический контур, взяла его в руки. Кость была теплой, почти горячей.

Я сняла крышку. Внутри лежал свиток, написанный не на бумаге и не на шелке. Материал напоминал тончайшую, полупрозрачную кожу, исписанную чернилами, которые, казалось, светились изнутри. Язык был древним, архаичным, но благодаря печати Тьмы Ю, которая частично передала мне понимание древних наречий, я могла читать его.

Я развернула свиток. Заголовок был выведен крупными, рублеными иероглифами:

«Хроники Пяти Столпов. Проклятие Бессмертных и Путь Возвращения».

Я начала читать. И с каждой строкой мир, в котором я жила последние недели, рушился и перестраивался заново.

«В эпоху, когда Небо и Земля еще не разделились окончательно, и боги спустились, чтобы судить смертных, Империя Ву Син была разорвана войной. Пять великих мужей встали на защиту своего народа. Они не были демонами. Они были людьми.

Хань был лекарем, чьи руки могли останавливать кровь одним прикосновением. Лэй был стратегом, чей разум видел ходы врага за десять шагов вперед. Янь был кузнецом и алхимиком, познавшим тайну огня. Ши был строителем, чьи плечи держали своды храмов. Ю был летописцем, хранителем памяти и теней.

Чтобы спасти Империю от гнева богов, они совершили ритуал Призыва Стихий. Они впустили в себя силу самого мира, чтобы стать равными небожителям. И они победили. Они отогнали богов за горизонт.

Но боги не прощают узурпации их силы. В качестве платы за бессмертие и мощь, Небо забрало у них то, что делало их людьми. Они наложили Проклятие Пяти Печатей.

Лекарь Хань был лишен тепла. Его тело стало вечным льдом, а его сердце замерзло, ибо сострадание требует тепла.

Стратег Лэй был лишен покоя. Его разум стал вечным громом, ибо мудрость требует тишины.

Кузнец Янь был лишен сытости. Его душа стала вечным огнем, ибо творчество требует удовлетворения.

Строитель Ши был лишен чувств. Его плоть стала вечным камнем, ибо жизнь требует движения.

Летописец Ю был лишен памяти. Его разум стал вечной тьмой, ибо знание требует света.

Они стали Повелителями. Они стали демонами. И с тех пор они обречены высасывать жизнь из смертных, чтобы хоть на мгновение заглушить боль своего утраченного человечества.»

Я остановилась, перечитывая последнюю строку. Мои руки дрожали.

Глава 8. Ритуал Возвращения Души. Цена и Условия

Они не были рождены демонами. Они не были злом в чистом виде. Они были героями, которые пожертвовали собой, и были наказаны богами за свою жертву. Их «жестокость» была не природой, а симптомом. Это была агония существ, у которых ампутировали душу, но оставили в живых.

Мой медицинский ум лихорадочно анализировал полученную информацию. “Этиология подтверждена. Патогенез ясен. Проклятие — это онтологический паразит, внедренный в структуру их душ божественной энергией. Он питается их человечностью, заменяя ее стихийной магией.”

Но как это лечить? Как удалить паразита, не убив пациента?

Я перевела взгляд на нижнюю часть свитка. Там, мелким, почти неразборчивым почерком, был приписан раздел, озаглавленный:

«Ритуал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.